Огнетушитель Прометея

Автор:
Дарья Донцова

Огнетушитель Прометея

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #35

Я, Евлампия Романова, неожиданно для себя стала… мамой сразу двух очаровательных детишек! Ох, и намучилась я, пока нашла им «Мэри Поппинс»! Не без заскоков, конечно, дамочка, но другую няню искать некогда – на повестке дня новое расследование! Моя соседка Валя Веснина заподозрила, что ее мать скончалась вовсе не от кори. Как выяснилось, детская болезнь и правда ни при чем, а семья Весниных – просто чемпионы мира по вранью! Внешне все чинно-благородно, а на деле родители соседки наперегонки изменяли друг другу. Валина младшая сестра Лариса тоже хороша – с виду девочка-незабудка, а сама два года назад попала в сомнительный переплет и едва не погибла… И вот теперь кто-то звонит Ларисе на сотовый и заявляет: «Ты убила свою мать!»

Дарья Донцова

Огнетушитель Прометея

© Донцова Д.А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Нельзя быть лучшим другом для всех людей на свете.

Я уронила ложку, которой помешивала бульон, и посмотрела на няню.

– Простите, Роза Леопольдовна, что вы сказали?

– Да вот, пришла в голову интересная мысль, – сообщила она. И менторски произнесла: – Невозможно поддерживать хорошие отношения с каждым человеком, с кем-нибудь непременно поругаешься. А еще подумалось…

– Справедливые слова, – быстро вклинилась я в ее разглагольствования, – но, уж извините, мне пора бежать. Суп для Кисы готов, и если Егор захочет, то может тоже его поесть, я специально сварила побольше. Мальчику я сделала на второе котлеты, а девочке – куриную грудку. Пожалуйста, не давайте ей бифштексы и жареную картошку.

Роза Леопольдовна нахмурилась, открыла рот, чтобы продолжить беседу, однако я ужом юркнула в коридор и в сопровождении мопсих, Фиры и Муси, поспешила в гардеробную.

Я уже рассказывала, что у нас с Максом совершенно неожиданно появилось двое детей: Егор и Киса. Мальчик – родной сын Макса, о котором муж узнал совсем недавно, а Киса, трехлетняя девочка по имени Ариша, не является его биологической дочерью. Наташа, мать ребят, с которой у Макса много лет назад, когда мы с ним еще и понятия не имели о существовании друг друга, случился

краткосрочный роман, умерла. Дети остались одни-одинешеньки и в конце концов очутились у нас[1 - Историю Егора и Кисы, а также о том, как ребятишки оказались в семье Евлампии Романовой, вы можете прочитать в книге Дарьи Донцовой «Добрый доктор Айбандит», издательство «Эксмо».].

Егор настоящий маленький мужчина с четкой жизненной целью: стать лучшим в мире специалистом по компьютерам и основать компанию, которая вытеснит с мирового рынка «Apple». Макс определил Егорку в лицей с математическим уклоном, и тот учится на одни пятерки, педагоги им довольны. Он сумел наладить контакт с одноклассниками, а еще успевает после уроков заниматься в секции самбо. Кроме того, Егор никогда не отказывается сходить в магазин, и сам, безо всякого напоминания, берет в руки пылесос, чтобы навести порядок не только в своей комнате, но и во всей квартире.

Когда мы еще только начали жить все вместе, я первое время внимательно приглядывалась к Егорке и ждала: ну когда же наконец ему надоест прикидываться идеальным ребенком? Мне казалось, не способен паренек быть таким замечательным, не мальчик, а коробка шоколадных конфет. Однако летели дни, недели, затем счет пошел на месяцы, и я поняла: Егор ничего не изображает, он на самом деле прекрасный человек без видимых недостатков.

Киса под стать брату. Любимое ее занятие собирать из деталей конструктора дворцы. Причем наборы с надписью «От трех до пяти» ее не интересуют – слишком простые, Арише подавай варианты для младших школьников. Получив очередной замок, Киса усаживается на ковре и, напряженно сопя, принимается за дело. Девочка на редкость упорна, не любит, когда ей помогают. Пару раз я, увидев, что Ариша зашла в тупик, показывала, куда нужно поместить ту или иную деталь. Киса благодарила за помощь, хоть и хмурилась. А когда я в очередной раз подошла и присела около нее, она легла всем телом на гору разнокалиберных частей будущего дворца и четко произнесла:

– Нет, не надо, я сама.

Киса не капризничает, плачет редко. В основном когда у нее что-то не получается, ну, например, не удается самой достать с вешалки платьице. При этом малютка сначала принесет стульчик, залезет на него, встанет на цыпочки, подпрыгнет, и лишь потом, сообразив, что одежда все равно недоступна, примется реветь басом. Одним словом, свои проблемы Ариша предпочитает решать сама, не привлекая взрослых.

Неделю назад я угостила Кису свежим пряником. Вежливо сказав: «Спасибо!», девочка потопала по коридору, а за ней резво поскакали наши мопсихи. Через минуту из детской донесся странный шум. Я пошла взглянуть, что там происходит, и увидела восхитительную картину: Киса сидит на ковре, аккуратно расправив платье, а Фира с Мусей бодают ее то в грудь, то в живот и явно стараются повалить малышку на бок.

– Эй, чем это вы тут занимаетесь? – возмутилась я, строго посмотрев на собачек.

Те смутились и замерли. На их наглых складчатых мордах появилось выражение глубочайшего удивления, казалось, мопсихи сейчас скажут: «Лампа, чем ты недовольна? Мы просто играем!»

– Они тебя обидели? – обратилась я к Кисе.

– Нет, – ответила девочка, приподнимая край юбочки, – они его хотят.

Я увидела пряник, прикрытый платьем, поняла, что Фира с Мусей вознамерились отнять у Кисы угощение, и погрозила мопсихам пальцем.

– Ох, сейчас кому-то достанется!

Собачки с видом оскорбленных герцогинь удалились в коридор, Ариша же преспокойно стала возиться с очередным замком.

Я не знаю, как покойной Наташе удалось воспитать столь чудесных детей. Думаю, Киса с Егором стали такими, потому что их мама была светлым человеком и очень любила сына с дочкой. С Ариной у нас возникла лишь одна проблема: малышка – так называемый не детсадовский ребенок.

Макс определил Кису в прекрасное учреждение с бассейном, находящееся в пяти минутах ходьбы от дома. Ариша быстро влилась в группу, играла с малышами, хорошо ела, спала после обеда, но спустя пару дней заболела. Две недели она просидела дома, пока не прошли кашель и насморк, затем вновь пошла в садик и – подхватила ветрянку. Где Арина подцепила заразу, осталось непонятным, в саду ею не болели, зато после того, как девочка покрылась папулами, слегли все малыши. И началось! В понедельник-вторник Киса ходит в

садик, потом три недели болеет, в среду-четверг играет в группе, и месяц лечится от непонятной почесухи, в пятницу веселится с другими малышами, а вечером того же дня оказывается в кровати с высокой температурой. В конце концов я поняла, что Кисе лучше сидеть дома.

Но ведь крошечную девочку одну в квартире не оставишь. Егор возвращается с занятий около семи вечера, а у Макса вообще ненормированный рабочий день. В момент принятия решения я не ходила регулярно на службу, поэтому рассчитывала сама приглядывать за Ариной.

Но едва мы забрали Кису из садика, случился форс-мажор – несколько сотрудниц Макса выбыли из строя. Одна легла в больницу на сохранение беременности, другая сломала ногу, третья неожиданно вышла замуж и укатила с супругом в США. Максу счастливая новобрачная позвонила уже из самолета со словами: «Ой, простите, все так внезапно получилось! Короче, заявление на увольнение я отправила по электронной почте».

И что делать?

Замечу, Макс стал предлагать мне место в своем детективном агентстве чуть ли не с момента нашего знакомства, но я считала, что совместная работа может испортить личные отношения, поэтому не соглашалась. Однако при таких обстоятельствах мне не оставалось ничего иного, как грудью закрыть амбразуру и попытаться помочь супругу. А для Кисы придется нанять няню.

Осознав возникшую проблему, я, наивная, как недельный щенок, открыла газету бесплатных объявлений и захлопала от радости в ладоши: слава богу, тут тьма контактов людей, желающих посидеть с чужим ребенком! Вот, например, учительница с двадцатилетним стажем предлагает не только уход за малышом, но и обучение его математике по методу Ларошфуко[2 - Франсуа Ларошфуко (1613–1680 гг.), герцог, французский писатель, известен своими афоризмами, к математике никакого отношения не имел. (Прим. автора.)]. Кто такой сей Фуко, я тогда понятия не имела, но подумала: если Ариша научится считать столбиком, это ей не повредит, – и немедленно схватилась за телефон.

На следующий день к нам пришла улыбчивая дама лет шестидесяти, мы весьма мило побеседовали. Я уже была готова обсудить ее рабочий график, как вдруг преподавательница заявила:

– Должна заметить: если дитя не наказывать, ничего хорошего из него не получится. За ремень браться, конечно, нельзя, но применять к безобразникам разумные методы воздействия необходимо.

– Что вы подразумеваете под разумными методами воздействия? – насторожилась я.

Училка нежно улыбнулась.

– Есть прекрасный способ. Слышали про то, как юных хулиганов коленями на горох ставят?

– М-м-м… – растерянно протянула я.

– Так вот, я заменила горох на шарики витаминов, – радостно заявила пенсионерка. – Эффект тот же, но во сто крат полезнее для здоровья шалуна. Он наказан, но одновременно ему через кожу поступают необходимые минералы и микроэлементы. Правды ради уточню: метод придуман не мной, я прочитала о нем в газете.

Я на минуту потеряла дар речи, потом вежливо выпроводила даму вон.

Следующая няня, едва войдя в прихожую, затараторила:

– У меня пятнадцать лет стажа работы с детьми. Я чрезвычайно аккуратна, внимательна и предусмотрительна. Увы, эти мои качества не всем мамочкам приходятся по вкусу, с последнего места работы меня попросили именно из-за них. Сейчас сообщу подробности. Мы с воспитанницей пошли гулять по лесу. Нашли там грибы, вернулись домой, я объяснила ребенку, как надо поступить: сначала посмотреть по энциклопедии, не набрали ли мы поганок, затем тщательно вымыть, почистить и отварить грибы. Разве я неправильно действовала?

– По-моему, вы поступили разумно, – осторожно ответила я.

Няня поджала губы.

– Вот! А мать хай подняла. Заявилась домой вместо восьми вечера к полуночи, не извинилась за опоздание, залезла в холодильник и ну орать: «Что тут на полке делает пакет с грязными комками?» Я ей спокойно объяснила: «Это грибочки. Мы их сами с Машенькой собрали, девочка съела часть сыроежек на ужин. А эти я для медицинской экспертизы оставила. Если малышка отравится, криминалист сразу поймет, что за яд попал в ее организм. У меня зять патологоанатом, я знакома с трудностями его работы, часто слышу от него, как ему непросто бывает определить, от чего именно человек на тот свет уехал». А мамаша меня взашей вытолкала. Ну и люди пошли! Хочешь как лучше, а им это не по нраву.

Надеюсь, вы догадались, что я не стала нанимать столь «предусмотрительную» особу?

Кандидатки в няни текли через нашу квартиру потоком, но я никак не могла подобрать нужного человека.

Одна вроде вполне милая тетушка говорила на странной смеси русского и украинского языков. Увидев мопсов, она воскликнула:

– Ой, якие смешнючие шавочки! Это хто ж они такие-сякие будуть? Як же их назувати, цуциков прикольных?

Естественно, мне не хотелось, чтобы Киса через пару месяцев начала выражаться подобным образом.

Не пришлись мне по вкусу и бабушка, которая явилась устраиваться на работу, держа в руке клетку с канарейкой, юная девушка с мини-юбке, ботфортах и кофте с декольте до талии, а также тетка, пообещавшая: «Ваша дочка меня сильнее всех на свете полюбит, я заменю ей и мать, и отца, и братьев родных».

Отчаявшись найти бонну собственными усилиями, я обратилась в агентство, и ко мне стали приходить хорошо одетые дамы. Они оглядывали квартиру и цедили сквозь зубы, например:

– Кофемашинки нет? Купите. Я всегда в пять вечера пью латте.

Или:

– Почему не подключены каналы «Сериал» и «Спорт»? Я без них не могу.

А еще так называемые элитные гувернантки хотели оплату тридцать и более долларов в час, выдвигали кучу условий и требовали составить договор, в котором скрупулезно были бы прописаны все их обязанности. Ну, скажем: кормление ребенка обедом без последующего мытья посуды.

– Значит, вы просто бросите грязные тарелки в мойке? – спросила я у одной кандидатки.

– Конечно, – спокойно ответила та. – В договоре же четко указано: с грязью я не вожусь.

И я перестала обращаться в агентство, сулившее нянь с параметрами 90–60—90, обладающих знанием трех европейских языков, имеющих в кармане диплом медвуза, аттестат практического психолога, справку об окончании курсов хореографии и владеющих гончарным искусством, плетущих кружева, играющих на скрипке и поющих арии из известных опер. Мне требовалась простая, любящая детей и собак тетушка с правильной русской речью, способная вовремя покормить Кису, почитать ей книгу, сводить ее погулять. Но почему-то именно этих, на мой взгляд, самых обычных нянь на рынке труда не было.

Когда я уже совсем отчаялась, мне позвонила Лена Красько и предложила:

– Знаю, ты ищешь бонну для Кисы. Я уезжаю на ПМЖ в Австралию, могу порекомендовать тебе свою няню. Хорошая тетка. Немного зануда, но это ерунда.

Вот так у нас появилась Роза Леопольдовна, этническая немка.

Языком предков госпожа Краузе не владеет, потому что они прибыли в Москву аж в восемнадцатом веке и совершенно обрусели, зато Розе генетически передалась аккуратность, если не сказать – педантичность. А еще она обожает изрекать всем известные истины, ну, например: «Зимой холодно, а летом тепло». Выдав сию чрезвычайно умную и ранее никогда и никем, по ее мнению, не произносившуюся фразу, Роза смотрит на вас, явно ожидая бурного восхищения, и заметно обижается, если не слышит изъявлений восторга. Но на фоне других кандидаток в няни Роза Леопольдовна просто луч света в царстве мрака. Я

считаю, что мне здорово повезло, и не обращаю внимания на кое-какие недостатки госпожи Краузе. В конце концов, я и сама отнюдь не совершенство, значит, не имею права требовать от других безупречности.

Глава 2

– Лампа, вы когда вернетесь? – крикнула мне вслед Роза Леопольдовна, услышав, что я направилась в прихожую.

– Пока не знаю. А что? – задала я свой вопрос.

Няня вышла в коридор.

– В доме, где я живу, начинают капремонт, собираются менять трубы, батареи, плитку на лестнице и лифт.

– Жуть! – поежилась я. – От души вам сочувствую.

Роза Леопольдовна сложила руки на животе.

– Моя квартира на девятом этаже, тяжело по ступенькам бегать. И шум ведь будет стоять безбожный.

Я вспомнила о воспитании.

– Могу я чем-то помочь?

Няня не стала ломаться.

– Да. Разрешите временно пожить у вас в свободной гостевой комнате? Строители обещают за тридцать дней управиться. В благодарность за постой буду убирать все апартаменты, стирать-гладить белье, готовить. И вы можете не спешить с работы, чтобы отпустить меня, я спокойно положу Кису спать и за Егором пригляжу.

Я растерялась. У нас с Максом просторные апартаменты, места в них всем хватит. Но согласитесь, не очень-то хочется, чтобы в квартире жил посторонний человек. Роза Леопольдовна работает у нас не так уж долго, и я довольна няней, она аккуратна, внимательна, однако очутиться под одной крышей с малознакомой женщиной не очень приятно. Мы с Максом привыкли обсуждать дома служебные вопросы, оба любим ходить по квартире в халатах, ценим уют и покой. Очень приятно прийти домой, запереть дверь и подумать: «Как у нас хорошо, спокойно. Мой дом – моя крепость». Но если я буду знать, что в одной из комнат обитает, пусть и временно, чужой человек, ощущение душевного комфорта может пропасть.

– Понимаю вас, – кивнула няня. – К сожалению, жильцов предупредили о ремонте за двое суток до старта катастрофы. Иначе б я ни за что не нанялась приглядывать за Кисой.

Роза Леопольдовна начала развязывать фартук, продолжая говорить:

– Никогда не соглашаюсь на работу с проживанием – и мне неудобно, и родителям ребеночка стеснительно. Когда Елена Красько собралась в Австралию, она захотела, чтобы и я с ней отправилась. Но, естественно, услышала в ответ мое твердое «нет». Тогда Лена дала мой телефон Галине Вишняковой, у той мальчики четырех лет. Мне с пацанчиками легче, я их лучше понимаю, чем девочек, и зарплата предлагалась достойная. К тому же был большой плюс – никуда ездить не надо, дом Гали в пяти минутах ходьбы от моего. Но я отказалась, потому что Вишняковой требовалась женщина, которая поселится в ее апартаментах. Вот почему я выбрала Арину – ей искали приходящую воспитательницу.

– Понятно, – кивнула я, одним глазом косясь на часы.

– От шума и пыли у меня точно начнется аллергия, – бормотала Роза Леопольдовна. – Извините, я не привыкла подводить людей, но ничего не поделаешь. Если нельзя у вас недолго пожить, мне придется уволиться и наняться к Вишняковой. Галина по сию пору воспитательницу найти не может.

Краузе повесила передник на крючок.

– Подождите, – растерялась я, – вы же не можете вот так уйти.

Она обернулась.

– Простите, Лампа, но я вынуждена. Конечно, я привязалась к Арише, полюбила ваших прелестных собак, однако… После работы мне нужен нормальный отдых, жить в шуме, вдыхая строительную пыль, я не смогу, должна срочно найти временное пристанище.

Я представила, что опять придется искать няню, и язык сам собой произнес:

– Роза Леопольдовна, оставайтесь. Мы с Максом будем рады, если вы поселитесь у нас. Я задержалась с ответом на ваш вопрос лишь потому, что думала, удобно ли будет вам в гостевой комнатке. Она очень маленькая, всего десять метров.

Няня сняла с крючка фартук и начала завязывать его на талии.

– Огромное спасибо. Я прекрасно разместилась бы даже на двух квадратных метрах. И напомню: мое пребывание здесь временно. Зато вы можете сегодня не мчаться сломя голову домой, я никуда не уеду, дети будут под бдительным присмотром. Как насчет картофельной запеканки на ужин? Не хочу хвастаться, но это мое коронное блюдо. Впрочем, если желаете сходить с мужем после работы в ресторан, то отправляйтесь со спокойной душой, зная, что я на боевом посту.

Я перевела дух и поспешила к выходу. Слава богу, катастрофы не произошло, гувернантка нас не покинула.

Не успели ноги донести меня до двери, как раздался звонок городского телефона. Я, забыв посмотреть на определитель номера, схватила трубку и, услышав знакомый голос, разозлилась на себя. Ну когда я научусь сначала проверять, от кого поступил вызов, и лишь затем реагировать на него? Сейчас на том конце провода Ира Звягина, а это значит, что я совершенно точно опоздаю на утреннее совещание.

Конечно, Макс не скажет мне ни слова упрека, но представляю, какими взглядами обменяются другие сотрудники, когда он произнесет:

– Начинаем сегодня без Романовой, она подъедет попозже.

Вот почему мне не хотелось служить в агентстве Макса. Все, что я делаю или не делаю, моментально вызывает пересуды, а затем местный люд подводит один и тот же итог: «А что вы хотите, ребята? Романова жена шефа, она на особом положении». Даже если я на глазах своих теперешних коллег перепрыгну без разбега трехметровый забор, они не удивятся, не захлопают в ладоши, не станут хвалить меня, просто небрежно скажут: «А что вы хотите, ребята? Романова жена шефа, Макс купил северный ветер, тот и перенес его супругу через преграду».

– Ну и как тебе мое предложение? – врезался в ухо вопрос Иры.

– Прекрасное, – ляпнула я, совершенно не слушая Звягину.

– Спасибо, ты настоящая верная подруга! – заорала Ирина. – Записывай адрес: улица Павлова, дом семь. Ровно в четырнадцать, не опаздывай.

– Зачем мне туда? – удивилась я.

– Ты не поняла? – удивилась Ирина. – Повторить прекрасную новость?

– Сделай одолжение, – попросила я, – с утра голова плохо работает.

– Хорошо тебе, все уже давно вкалывают, а ты только встала, – позавидовала Ира.

Я хотела сказать, что легла спать около трех утра, так как разбирала служебные документы, но промолчала.

– Буду говорить медленно, – пообещала Звягина, – это я от большого количества положительных эмоций в раж вошла, зачастила.

Я села на диванчик у входа.

Не знаю, как у вас, а со мной всегда безотказно срабатывает правило трех неприятностей. Если, допустим, утром вместо зубной пасты я хватаю тюбик с

кремом для бритья и начинаю давиться мылом, то нужно ждать еще две незадачи. Ну-ка, посчитаем сегодняшний улов неприятностей. Я чуть не лишилась няни, а теперь попалась в лапы Звягиной. Что еще меня ждет? До вечера далеко.

Но при этом есть и нечто хорошее: передряг обычно бывает именно три, следующего цикла нужно ожидать примерно через неделю. Вздохнув, я начала внимательно слушать подругу.

Ира всю юность и большую часть зрелости благополучно просидела за спиной у мужа. Николай Звягин делал карьеру, а его жена занималась домом, детей у них не было. Год назад Коля уехал в командировку в Киев и вскоре прислал жене письмо, содержание которого повергло ее в шок. Супруг написал, что не собирается возвращаться в Россию, он, видите ли, решил остаться на Украине, где у него есть любимая женщина и новорожденный сын. Ирише он благородно оставил квартиру в Москве и машину.

Сначала Звягина впала в истерику. Затем решила, что супруг глупо пошутил. Но потом стало ясно: Николай действительно ее бросил, надо как-то жить без него. И, значит, в первую очередь необходимо найти работу.

Если женщине, мягко говоря, за тридцать, у нее нет в кармане диплома о высшем образовании и трудового стажа, то на какое место она может рассчитывать? Первый логичный ответ на вопрос – устроиться уборщицей в супермаркет. Но даже там хотят видеть юную особу с хорошей характеристикой от прежнего работодателя!

Рыдающая Звягина обзвонила всех своих подружек. Одна из них, жена владельца телеканала «Сорок девять и пять», насела на своего благоверного, и тот пригласил Ирину на должность редактора в новое шоу «Выбираем вместе».

Эта программа совсем недавно поселилась в эфире, и она на самом деле веселая и полезная, никаких скандалов или драк там не бывает. Ведущий, приятный молодой актер, засветившийся в нескольких сериалах, дает советы, как лучше выбирать в магазинах тот или иной товар. Формат шоу прост, как веник. В студию приходит человек с какой-то мелкой проблемой, ну, допустим, он не знает, какую купить скороварку, тогда ведущий зовет эксперта, а тот детально объясняет, на что нужно обратить внимание, и демонстрирует различные

варианты чудо-сковородок.

В задачу Ирины входит находить и приглашать на съемки этих самых героев, желающих получить дельный совет. Думаете, это простая задача? Звягиной тоже так показалось, когда она подписывала трудовой договор. Ира полагала, что не счесть людей, которые захотят засветиться в телеэфире, а потом получить от программы в подарок кофемолку, электрогрелку или комплект постельного белья. И в каком-то смысле она права – такое желание выражают многие. Но! Совсем не каждый из «героев» нравится Федору Кравчуку, продюсеру шоу.

Федя смотрит на людей, которых нашла Ирина, и начинает капризничать. Один, по его мнению, просто урод, другой не умеет разговаривать, у третьего нет передних зубов, четвертый кривой, пятый косой, шестой заика, седьмой горбатый, восьмой пузатый, девятый излишне тощий. Вот десятый идеально подходит по всем параметрам, однако… не нравится Федору. Почему? Да просто не нравится, и все. У вас еще есть вопросы?

Не прошло и недели после устройства на работу, как Звягина поняла, что попала в натуральный сумасшедший дом. Но поскольку Ирину более нигде не хотели принимать в штат, она изо всех сил цеплялась за это свое наконец-то найденное место руками, ногами и зубами.

А противный Кравчук, словно чуя ее безответность, каждый день орал на нее:

– Где у нас нормальные герои? Если до начала съемок не отыщешь приличного человека, уволю на фиг! Глянь в окно, у нашего подъезда змеится хвост кретинок на твое место.

Про очередь он соврал, но Ириша все равно испугалась. До сих пор ей кое-как удавалось удовлетворять желания привередливого продюсера, но сегодня случился нереальный форс-мажор – женщина, которой предстояло стать главным действующим лицом очередного выпуска шоу, сломала ногу.

– Катастрофа! Ужас! Я лишусь зарплаты! – рыдала сейчас Звягина в трубку.

Я попыталась успокоить ее.

– Попробуй объяснить продюсеру, что травмировать ногу может любой человек. Где тут твоя вина? Разве ты толкнула даму или подставила ей подножку?

Ирина всхлипнула.

– Ты отважишься внушать голодному крокодилу, что вегетарианство очень полезно?

– Существуют задачи, за решение которых не стоит даже браться, – вздохнула я.

– Федор и есть такой аллигатор! – отрезала Ира. – Если ты не поможешь, мне конец.

Я удивилась.

– Что я могу сделать?

– Приходи сегодня на съемку. Заменишь ту недотепу, которая, как будто мне назло, в больницу загремела.

– Ой, не хочу! – заорала я. – То есть, прости, у меня много дел.

– Понятно… – мрачно протянула Ира. – Не очень-то я и надеялась. Если через неделю увидишь меня в вагоне метро с протянутой рукой, можешь не подавать мне копеечку, обойдусь без твоей милостыни. С таким трудом устроилась на работу, и упс! Придется наниматься на железную дорогу шпалы таскать.

Я устыдилась.

– Ириша, я просто не справлюсь с предлагаемой ролью. Актриса из меня, как из слона балерина.

– Лампочка! – заголосила Звягина. – Дело это нехитрое, оно любому по плечу. Скажи, ты когда-нибудь покупала хлебопечку?

– Нет, – честно ответила я. – Хотя вообще-то давно хочу обзавестись этим прибором. Говорят, в нем получаются потрясающие булочки.

– Точно! – обрадовалась Ира. – И как раз тема передачи, на которую планировалась тетка со сломанной ногой, звучит: «Как правильно выбрать хлебопечку». И тебе в финале ее подарят. Ничего изображать не надо, просто будь сама собой. И все. Лампулечка, подумай, как будет здорово: ты спасешь меня от увольнения, получишь импортную бытовую технику и уйдешь счастливая. Съемки займут от силы полчаса. Умоляю! Стою на коленях!

– Ладно, – сдалась я.

Звягина завизжала от радости. Потом уже вполне нормальным голосом сказала:

– Ты лучше всех! Ты потрясающая! Ты настоящий друг! Ты…

В эту секунду раздался звонок в дверь. Муся и Фира оживленно залаяли.

– Извини, Ириша, – заторопилась я, – кто-то пришел.

– Не забудь, в тринадцать десять жду тебя у входа в телецентр, – скороговоркой произнесла Звягина.

– Погоди, ты же говорила про четырнадцать ноль-ноль, – напомнила я.

– Это начало записи, а прийти надо заранее – грим, прическа, инструктаж от режиссера, то да се… Не опаздывай! – оттарабанила Ирина и отсоединилась.

Я поспешила в холл. Ну что ж, две неприятности уже случились: Роза Леопольдовна чуть не уволилась и теперь временно поселится у нас, а сегодня днем вместо того, чтобы заниматься работой, я должна тащиться на съемку в телестудию. И, похоже, здравствуй, третья напасть. Кто, интересно, сейчас стоит за дверью?

Глава 3

– Здравствуйте, Евлампия Андреевна, – сказала полная темноволосая девушка, державшая в руке книгу. – Вы очень торопитесь? Мне надо с вами посоветоваться. И чем быстрее, тем лучше.

Я приветливо улыбнулась.

– Доброе утро, Валечка. Мы же с тобой договорились: ты зовешь меня просто Лампа, без отчества. Иначе я буду обращаться к тебе баба Валя Весенина.

Но гостья даже не улыбнулась.

– Хорошо. Можно зайти? Или на лестнице лучше пошушукаться? Я не хочу, чтобы кто-нибудь нас услышал.

Я поманила Валю.

– Пойдем в кабинет Макса, он звукоизолирован. А почему ты не на работе?

Валентина сгорбилась.

– Вчера было сорок дней со дня смерти мамы, люди приходили. Потом я полночи посуду мыла, квартиру в порядок приводила. Хорошо хоть Боря помог.

– Прости… – пробормотала я. – Неужели уже столько времени прошло? Кажется, Раечка только вчера скончалась…

– Посоветоваться мне не с кем, – сказала Валя, когда мы вошли в кабинет. – Да и боюсь откровенничать.

– Даже с самыми близкими? – удивилась я. – С папой, женихом и сестренкой?

Валя села в кресло и сложила руки на коленях.

– Ларисе всего пятнадцать, и она очень эмоциональна. Помните, что с ней случилось два года назад?

Я кивнула.

Младшая дочь Весениных серьезно занимается балетом. Лариса на редкость работоспособная, талантливая девочка, влюбленная в свою будущую профессию. Чтобы успеть к восьми утра на занятия в хореографическое училище, Лара встает в пять тридцать, обливается холодной водой, делает особые упражнения, а потом бежит к метро. Мечта Ларисы – стать примой Большого театра, получить контракт в Ковент-Гарден, ну и так далее. В мире балета ни малейшего значения не имеют деньги и социальное положение родителей. Даже если отец танцовщицы самый богатый человек в стране, ей никогда не исполнить партию Жизели или Одетты-Одиллии, если нет таланта и отсутствует трудолюбие.

У Ларисы самая обычная, правда, хорошо обеспеченная семья, глава которой, Николай Георгиевич, проделал путь от простого автомеханика до владельца большого салона по продаже иномарок. Его жена Раиса заведовала детским садом, а старшая дочь Валентина работает в банке. Весенины-старшие любили друг друга и детей. Наверное, у них, как и у всех, бывали ссоры, но никто из соседей ни разу не видел, чтобы Коля кричал на Раю и девочек или приходил домой пьяным. И зять Весениным попался замечательный. Вернее, Боря пока жених, но дело у них с Валечкой плавно катится к свадьбе, осенью они отпраздновали помолвку, бракосочетание планировалось в мае. Но праздник не состоялся, потому что Раиса неожиданно скончалась от… кори.

Когда мы с Максом узнали, что случилось с женой Николая, то сначала не поверили своим ушам. Корь? Это же простая детская болезнь, разве она смертельна? В полнейшем недоумении я позвонила своей лучшей подруге – Катюша по профессии хирург[3 - Кто такая Катя и как Лампа познакомилась с ней и со всеми членами ее семьи, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».] – и узнала, что корь достаточно хорошо переносится малышами, но для взрослого человека представляет серьезную опасность. К сожалению, в случае с Раисой врач, которого вызвали на дом, решил, что у больной, которая жаловалась на насморк, кашель и высокую температуру, обычное респираторное заболевание, прописал ей жаропонижающее и уехал. То, что у Весениной корь, установили позже в медцентре, куда Раю привезли уже в бессознательном состоянии. Где она подцепила заразу? Напрашивается ответ: в подведомственном ей садике. Но, как потом выяснилось, все ребятки в группах были здоровы, кори ни у кого не наблюдалось.

– Помните, что случилось два года назад? – повторила Валечка.

Я кивнула.

Ларису пригласили поучаствовать в съемках фильма – режиссеру для одной из сцен понадобилась девочка-балерина. Весь процесс должен был занять один день, и весьма удачно этот самый день приходился на воскресенье, единственный выходной Весениной-младшей. Ларисе очень хотелось сыграть предложенную роль, и она сразу согласилась. А потом приуныла. Тогда Ларе исполнилось тринадцать лет, и она, конечно, свободно передвигалась по Москве одна, ездила на занятия, репетиции и спектакли, в которые зовут юных балерин. Но в другой город, даже расположенный недалеко, в Подмосковье, родители ее без сопровождения не отпустят.

Николай Георгиевич был тогда занят строительством второго автосалона и с утра до ночи пропадал на пустыре, где заливали фундамент, забыв про отдых. А вот Раиса в воскресенье была совершенно свободна, садик-то по выходным закрыт, поэтому на съемки с дочкой отправилась бы именно она. Ларисе же этого очень не хотелось. Сейчас объясню, почему. Девочка никогда не конфликтовала с родителями, но вспомните себя в тринадцатилетнем возрасте – разве вас не раздражала опека взрослых? А у Раи была манера громко говорить дочери, порой в присутствии посторонних: «Милая, ты не забыла помыть руки перед едой?» Или: «Деточка, ты собралась бежать по холоду без рейтузиков? Немедленно надень теплое белье».

Раиса считала младшую дочь неразумным ребенком, а Лариса полагала, что она давно взрослая, и сердилась на мать. Представив себе, как во время съемок маман примется ее опекать, Лариса решила поехать в местечко под названием Бобринск одна. И сказав матери, что у нее репетиция в театре, она в семь часов утра села в автобус, направлявшийся в Подмосковье.

Только не подумайте, что Лариса врунья. Это была просто тактическая хитрость.

Девочка рассчитывала вернуться домой около десяти вечера. Дело происходило летом, а в это время в Москве еще светло. Старшие Весенины остались в неведении о планах Ларисы, а вот старшая сестра случайно узнала правду.

Накануне, поздним вечером, Валентина пошла в туалет. Родители уже спали, а Лара принимала душ, и Валя услышала, что та беседует с кем-то по телефону:

– Я не просплю. Отлично помню, автобус на Бобринск отходит рано, приеду на вокзал за полчаса до отправки. Нет, я совершенно спокойна. Нет, я не нервничаю и не опоздаю.

Валечка дождалась, когда Лариса выйдет из ванной, и пристала к ней с вопросами. Сестра сначала пыталась выкручиваться, но когда Валя пригрозила: «Если не расскажешь мне правду, разбужу маму и скажу ей, что ты завтра собралась ехать в какой-то Бобринск», – сдалась и сообщила про съемки.

Валя не выдала ее, она прекрасно понимала младшую сестру, ей самой не очень нравилось, что мама отказывается поверить, что дочери выросли и не следует бегать за ними с памперсами в руке.

День обещал быть чудесным, погода стояла прекрасная, автобус бойко рулил по шоссе. Через час водитель сделал плановую остановку в местечке Головино. Пассажиры получили возможность сходить в туалет и выпить кофе в придорожной забегаловке. Затем «Икарус» продолжил путь, ехать ему до конечной оставалось минут пятьдесят. Но до Бобринска автобус так и не добрался – в салоне прогремел взрыв. Большинство пассажиров погибло на месте, уцелевших отправили в больницу.

В районе часа дня Раиса увидела в новостях репортаж с места трагедии и сказала вошедшей на кухню Вале:

– Ну и времена настали! Опять трагедия – террористы подложили бомбу в междугородный автобус. Погибли невинные люди. Ехали себе в мало кому известный Бобринск, а встретили смерть возле поселка Головино.

– Куда они ехали? – прошептала Валентина.

– В крохотный городок в Московской области, – ответила ничего не подозревающая мать, – в Бобринск.

Валя зарыдала и рассказала ей правду о том, куда рванула с утра Лариса.

Перепуганные Николай с Раисой бросились в областную клинику, куда отвезли выживших пассажиров. Но дочери среди них не оказалось. Весенины, подозревая самое худшее, обратились к специалистам, которые работали на месте происшествия, и услышали от них страшную фразу:

– Сдайте анализ ДНК, у нас есть неопознанные останки.

Еле живые от ужаса мать с отцом вернулись домой, а через четверть часа им позвонила… Лара, которая сообщила:

– Я жива и совершенно здорова, еду домой.

Рая схватилась за сердце, Николай ринулся к бару и хватанул стакан водки, а у Вали началась истерика. Ни мать, ни отец, ни старшая сестра не понимали, что случилось, и когда действительно целая и невредимая Лариса вошла в квартиру, втроем набросились на нее с расспросами.

Девочка рассказала, что утром ей совершенно не хотелось завтракать. А вот на автовокзале она испытала приступ голода и купила себе бутерброд с ветчиной. В Головине юной балерине стало плохо, у нее началась тошнота, заболел живот. Поняв, что отравилась и дальше ехать не может, Лара осталась в поселке и кое-как добралась до местной аптеки, провизор которой оказалась отзывчивой женщиной. Она не только снабдила необходимыми медикаментами, но и предложила Ларисе прилечь в комнате отдыха. Головино – крохотный городок, своей больницы в нем нет, гостиницы тоже, зато люди тут живут добрые, такой вывод сделала девочка. Выполняя указание провизора, она упала на диван и крепко заснула, не слыша звонков надрывавшегося в сумке мобильного.

Закрыв поздним вечером аптеку для посетителей, фармацевт разбудила ее и рассказала о взрыве в автобусе. Лара схватилась за сотовый и нашла кучу звонков от родителей… Дальнейшее понятно. До Москвы ее довез сын этой доброй самаритянки, и с тех пор он и его мать стали друзьями Весениных.

Узнав, что дочка жива, семья сначала просто ликовала, потом Валечка сказала:

– Как же здорово, что ты отравилась, иначе…

Окончание фразы застряло у старшей сестры в горле, но младшая замерла. А потом вдруг спросила:

– Они все умерли? Ну, те люди в автобусе?

– Не думай об этом, – засуетилась Раиса.

– Они погибли? – не успокаивалась девочка.

Родителям пришлось сообщить правду: выжили всего двое мужчин, и те сейчас в критическом состоянии.

Лариса упала в обморок. Следующую неделю она провела в клинике неврозов, потом оправилась, и жизнь Весениных потекла по-прежнему. Но Ларе очень хотелось выяснить, почему автобус взлетел на воздух, кто виноват в случившемся. Чтобы получить побольше информации, Лариса пришла к нам домой и попросила:

– Тетя Лампа, ваш муж профессиональный детектив, владелец большого агентства, наверное, у него есть друзья в полиции. Он может спросить у них о том происшествии? Я должна все знать. Хочу понять, почему ехавшие со мной люди умерли, а я вышла из «Икаруса». Как так получилось? Это судьба? Меня ангел-хранитель отравил, чтобы я выжила? У меня такое странное чувство, будто я виновата в гибели пассажиров. Если выясню, кто в автобус взрывчатку положил, надеюсь, мне станет легче.

Я поняла, что девочке нанесена мощная психологическая травма, и попросила Макса раздобыть информацию. Через некоторое время муж рассказал, что скорей всего в багаж кого-то из пассажиров была заложена самодельная бомба. Потом стало известно, что взрывчатка находилась в сумке некой Инны Петровой, которая ехала навестить свою родню. У нее был ревнивый муж Петр Комаров, постоянно подозревавший супругу в изменах. Бедная Инна часто приходила на работу с заметными синяками, и коллеги жалели Петрову, советовали ей разойтись. Но та отвечала:

– Петя очень хороший человек, любит детей и меня тоже. Просто у него комплекс из-за того, что в раннем детстве он очутился в приюте. Мать Пети убежала с любовником, бросив ребенка.

– Когда-нибудь он тебя искалечит до смерти, – сказала однажды начальница Петровой, наблюдая, как та жарким летом парится в водолазке с длинными рукавами, скрывая следы побоев.

Инна отвела глаза и ничего не ответила. А спустя некоторое время ее муж ворвался в офис, устроил дебош, переворачивал мебель, кидался на сотрудников и орал:

– Где тут твой любовник сидит? Пусть выходит, я ему голову оторву!

Петрова с огромным трудом успокоила буяна, умолила коллег не обращаться в полицию. Потом оплатила ремонт и написала заявление об увольнении.

Полиция все же узнала о происшествии в подробностях, но лишь после взрыва автобуса, когда оперативно-следственная группа начала сбор информации о пассажирах «Икаруса».

Дальше – больше. Выяснилось, что Комаров не успокоился. Правда, на новое место работы жены он не заглядывал, но без устали звонил ей с угрозами, орал так, что его слышали те, кто сидел с Инной рядом. Думаю, не надо объяснять, какие мысли возникли в голове у следователя, когда он, предварительно выяснив, что бомба находилась в сумке Инны, побеседовал со знакомыми Петровой и с ее коллегами. Петра арестовали. На допросах он говорил, что обожал жену, поэтому не мог справиться с припадками ревности и устраивал скандалы. Но от бомбы Комаров открещивался. Однако при обыске гаража, принадлежащего ему, нашли улики, указывавшие на то, что именно здесь и собиралось самодельное взрывное устройство. Однако Петр по-прежнему не признавался. Теперь он кричал:

– Гараж я сдал на полгода! Я им не пользовался, хранил там всякое барахло. Пришел военный, предложил хорошие деньги, заплатил за три месяца вперед. Это не я, а он со взрывчаткой работал!

На простые вопросы следователя, вроде как зовут съемщика, где он проживает и работает, Петр не смог дать исчерпывающих ответов. Правда, имя военного назвал: Сергей Васильев. Но потом добавил:

– Паспорта я его не видел.

Петра Комарова судили за убийство пассажиров и водителя автобуса, а потом отправили отбывать пожизненное заключение.

Лариса справилась с последствиями стресса и сейчас успешно заканчивает хореографическое училище. Выпускных экзаменов еще не было, но она считается лучшей ученицей, ей сулят мировую славу.

За два года, прошедшие после аварии автобуса, Лара повзрослела, похорошела, но о кавалерах она не думает, все ее мысли исключительно о балете. И мама, и папа, и Валечка очень гордятся, что в их семье подрастает яркая звезда, балуют девушку, исполняют все ее желания. А еще родные понимают – Лариса чрезвычайно эмоциональна. Если обычный человек порежет палец, для него это небольшая царапина, которую можно заклеить пластырем, а вот юная балерина воспримет ее как страшную, фонтанирующую кровью рану. Ларочка ничего не придумывает, просто так смотрит на мир. Как бы через очки, которые во сто крат увеличивают горе или радость…

Я посмотрела на Валечку, та потерла виски пальцами.

– Смерть мамы чуть не убила сестру. Мы с папой тоже до сих пор в шоке, а Лара чуть снова не загремела в клинику неврозов. Но все же смогла взять себя в руки и сейчас занимается как сумасшедшая. Сестре…

Валя осеклась, потом продолжила:

– Вы пока никому не говорите, это секрет, но Лариса может подписать контракт с балетной труппой в Париже.

– Поздравляю! – воскликнула я.

Валя приподняла бровь.

– Пока не с чем. Мне кажется, танцевать в Большом театре для балерины намного лучше, чем где-то за границей. Но Лариска хочет уехать из Москвы, говорит, ей тут все напоминает о маме, невыносимо находиться в нашем доме. И

я ее понимаю. Сама удрала в новую двушку, которую папа нам с Борей к свадьбе купил. Квартира еще до конца не оборудована, но мне там спокойней. А в родительской очень тяжело, каждая мелочь напоминает о маме. Ой, только не подумайте, что я бросила отца и Лару! Захожу к ним каждый день, готовлю, убираю, стираю. Надеюсь, сестре удастся улететь во Францию. Я далека от мира искусства, точно не знаю, как у балерин карьера строится, но, думаю, личные отношения и связи, как везде, играют огромную роль. А Лариса уповает исключительно на свой талант и трудолюбие. Хорошо бы они ей помогли… Я тут недавно приезжала за сестрой в училище, мы договорились вечером в кино сходить. Села в холле, жду. А рядом две женщины устроились, похоже, матери кого-то из малышей, и давай трепаться. Уж я наслушалась! За кулисами творится черт-те что; нормальных мужчин там нет, сплошные геи; за хорошую партию балерине приходится драться, коллег локтями распихивать и безропотно укладываться в разных кабинетах на диваны; если у нее нет богатого спонсора или зажиточных родителей, ей придется всю жизнь в общей толпе, в затрапезном театришке плие отвешивать… Прямо страшно за Лару стало. Ну зачем она в балет полезла? Очень тяжелый и физически, и эмоционально труд. И сплошные интриги!

Глава 4

– Не надо принимать всерьез болтовню глупых сплетниц, – остановила я Валентину. – Лариса очень талантлива, усердна и непременно пробьется. Ей нет необходимости спать с кем-то за главную роль. Она из обеспеченной семьи. Разве Николай Георгиевич откажется проспонсировать дочь?

– Конечно нет, – произнесла Валя. – Но папа далек от искусства, он даже в музыкальную школу в детстве не ходил. Знакомых никаких в театрах не имеет. Ему что, явиться с мешком денег к директору коллектива и сказать: «Здрассти, я Весенин, хочу вам заплатить за продвижение Ларисы»? Уж наверное, такие дела по-иному делают. Но я пришла сейчас не для разговора о карьере Лары. Вы же знаете, моя мама умерла от кори… Вам это не кажется странным?

– К сожалению, у взрослых людей детская инфекция протекает крайне тяжело, – вздохнула я.

Валя быстро оглянулась и понизила голос:

– Три дня назад к нам прилетела тетя Аня, старшая сестра мамы. Она живет в Хабаровске, билеты дорогие, путь неблизкий, работа у Ани тяжелая, с ночными сменами, и начальство ее не отпускало даже за свой счет. На похоронах Аня не была, а на сороковины сумела вырваться, но очень ненадолго, сегодня в пять утра назад уже умчалась. Мы с теткой много плакали, фото семейные разглядывали. Аня их с собой привезла, подумала, ни у папы, ни у нас с Ларой таких снимков нет. И нам парочку оставила. Есть кое-что интересное. В общем, смотрите!

Валентина раскрыла книгу, которую принесла с собой, и я поняла, что это альбом. Девушка быстро пролистала страницы, вытащила одну карточку и протянула мне.

Я вгляделась в черно-белый снимок. Две девочки (одна чуть постарше, ей по виду лет пятнадцать), одетые в байковые халатики, сидят на кровати, тесно прижавшись друг к другу. Судя по тумбочке у изголовья кровати и по голой стене за спинами подростков, они находятся в больнице. На мой взгляд, ничего интересного в запечатленной картине не было.

– А вы переверните фотку, – посоветовала Валя.

Я послушно выполнила просьбу и прочитала сделанную фиолетовыми чернилами надпись: «Грустное шестнадцатилетие Раи. Больница. Девочки болеют корью».

Валентина обхватила руками колени.

– Аня моложе мамы на два года. Она вспомнила тот день. Во времена ее юности паспорт выдавали в шестнадцать лет. Раиса очень ждала эту дату, ей казалось, что она, взяв в руки документ, сразу станет взрослой. Мама пригласила на праздник приятелей, дедушка с бабушкой придумали всякие развлечения, стол собрались обильный накрывать. Но за неделю до торжества мама заболела корью и заразила Аню. Сестер уложили в клинику, потому что уж очень сильно их хворь скрутила. А вот взрослые не поддались инфекции, они ее уже в детстве перенесли, поэтому у них был иммунитет. Такая гадость эта корь оказалась! Почти вся школа, которую сестры посещали, свалилась. И у меня вопрос появился: каким образом мамочка могла снова корь подцепить? Может, вовсе и

не корь у нее была?

Я положила альбом на столик у дивана.

– Иммунитет с годами ослабевает. Вероятно, Раисе не повезло, и она подцепила болячку второй раз. Такое редко, но случается.

Валентина наклонила голову.

– Я весь Интернет перерыла и стала специалистом по кори. Да, считается, что через пятнадцать лет устойчивость к заразе у перенесшего заболевание начинает ослабевать, хотя многие врачи называют цифру в четверть века. Во всех справочниках указано, что повторно подцепить корь можно, но сложно. И если такое случится, болезнь будет протекать в ослабленной форме, как у привитого человека, скорей всего, даже температура особенно не поднимется. А маме стало плохо почти мгновенно, сразу возник сильный кашель, появилась сыпь. Разве так бывает при вторичном заражении?

– Валечка, все люди разные, это не йогурт, который в назначенный день начинает портиться, – произнесла я. – Ты, допустим, не заболеешь второй раз и спустя пять десятилетий после перенесенной инфекции, а Лариса может захворать быстро.

Валя прищурилась.

– Очень хорошо, что вы сейчас про нас вспомнили. Мама так над нами тряслась, что уберегла от всех ребячьих недугов. Мы с Ларой не подцепили ни ветрянку, ни свинку, ни скарлатину, ни краснуху. Лариса физически выносливая, она очень редко болеет, не могу даже припомнить, когда сестра в постель с температурой укладывалась. Нервный срыв после аварии не считается, это не зараза. Но я – другое дело. Мне в двенадцать лет поставили диагноз диабет, поэтому я такая толстая и вечно с прыщами на лице.

– У тебя нормальная фигура, – покривила я душой, – просто ты не похожа на грабли. А высыпания на коже почти не заметны. И, в конце концов, не во внешности счастье. Слышала поговорку «не родись красивой, а родись счастливой»? Сколько девушек модельной внешности не могут выйти замуж! У них параметры девяносто-шестьдесят-девяносто, а счастья нет. У тебя

замечательный жених, скоро состоится свадьба.

– Отлично знаю, что я не похожа на Мисс мира, – отмахнулась Валентина, – только я говорю не о внешней красоте, а о здоровье. Да, детские болезни меня миновали, но сейчас я цепляю любую инфекцию. Кто рядом чихнет – караул, мгновенно у меня в горле скрести начинает. Всегда делаю прививку от гриппа и все равно непременно подхвачу вирус. Правда, переношу болезнь в ослабленной форме, но она ко мне обязательно прилипнет. И что? Никто из нашей семьи, включая меня, задохлика, от мамы не заразился. Правда, странно?

– Ну… – протянула я.

Валя выпрямилась.

– Во всех медицинских энциклопедиях написано: корь особенно заразна в тот момент, когда человек понятия не имеет, что ею инфицирован. Он кашляет, температурит, носом шмыгает, полагая, что у него элементарная простуда. Больной даже на работу может в инкубационный период сбегать и лишь потом, когда столбик термометра вверх пошарашит, в постель укладывается. Но до этого успевает бациллы куче людей передать. Мама первое недомогание ощутила дома. У нее в садике в тот день дезинфекцию проводили, тараканов травили, родители детей не привели, а заведующая, естественно, находилась на рабочем месте. После отъезда сотрудников санэпидемстанции она пришла домой, попила чайку и ощутила недомогание, возникли кашель, насморк, голова заболела. Мама решила, что простудилась.

– Не подумала про аллергию на яд против насекомых? – спросила я.

Валя покачала головой.

– Нет. Мама не ходила по помещениям, сидела в своем кабинете, а там прусаков не было. То есть никак не контактировала с отравой. И жидкость, которую в садике распыляли, для людей не опасна. Кстати, для животных тоже. У них там в зооуголке и хомячки, и попугай, и морская свинка были, так все чудесно себя чувствовали. Мама погрешила на простуду, прилегла на диван. А когда вечером вернулся с работы папа, она уже вся горела от высокой температуры. Но пятен на коже не было, поэтому вызванный доктор и поставил диагноз грипп. Ближе к полуночи ей совсем стало худо, вот тогда и проступила сыпь. Маму отвезли в

клинику, там сразу решили: корь, начали лечить от нее. А на следующий день ее не стало.

– Мне очень жаль, – пробормотала я.

Валя вцепилась пальцами в ручки кресла.

– Ну а теперь оцените случившееся. Корь заразна до того, как появились ее признаки, значит, мама ходила на работу, не подозревая, что больна, контактировала с малышами, их родителями, сотрудниками. В детском саду никто не заболел, ни один ребенок или воспитатель, в семье тоже все здоровы. Что это за инфекция такая особенная? Специально для моей матери? На остальных не действует?

– Иммунитет, – начала я, – он…

– Знаю, слышала, – отмахнулась Валя, – у всех разный. Но ведь так не бывает, что все люди вокруг поголовно здоровые, одна мама хилая! Хоть один-то должен был сыпью покрыться. Но нет!

– Ты в этом уверена? – остановила я Валечку. – Разговаривала с коллегами матери?

Девушка вскочила и начала ходить по кабинету.

– Да. Едва доктора поставили диагноз, папа немедленно позвонил в садик и велел: «Срочно объявляйте карантин. У Раисы Измайловны корь». На похороны пришли все ее подчиненные, многие родители детей, наши знакомые. И все, как один, шептали: «Господи, как же бедной Раечке не повезло. Скончалась от детской болезни, никто, кроме нее, даже не чихнул ни в саду, ни дома».

Валентина остановилась и в упор уставилась на меня.

– Может, это вовсе и не корь была?

– А что? – удивилась я.

Она пожала плечами.

– Не знаю. Очень похожая на нее болезнь, которую врачи спутали с корью, неправильно лечили и загубили маму. Я хочу узнать правду. Вы с мужем возьметесь за это дело?

Я подошла к Вале и обняла ее.

– Солнышко, понимаю, как тебе тяжело. Я тоже пережила смерть своей любимой матери и не стану говорить глупую фразу: «Время лечит». Это неправда. Сколько бы лет ни прошло, но всякий раз, думая о ней, ты будешь испытывать тоску. Тут ничего поделать нельзя. Мне помогает простая мысль: я живу так, что мама мной гордилась, стараюсь не делать ничего, что могло бы ее расстроить, веду себя таким образом, словно она жива.

– Вы возьметесь за это дело? – перебив, повторила Валя вопрос. – Насчет оплаты можете не сомневаться, я хорошо зарабатываю.

– Обвинить врача в неправильной постановке диагноза очень сложно, – осторожно сказала я. – Даже если удастся собрать неопровержимые доказательства непрофессионализма медработника, его навряд ли сильно накажут. В России суды по непонятной для меня причине всегда на стороне людей в белых халатах, хотя в последнее время кое-кого из нерадивых эскулапов все же удается привлечь к ответственности. Но это происходит очень редко и лишь при вопиющих случаях.

– Значит, смерть моей мамы ерунда? – взвилась Валентина.

– Конечно нет, – забубнила я, – но доказать виновность врача чрезвычайно трудно, подчас невозможно.

– Я поняла, – вдруг спокойно произнесла Валя, – и готова попробовать. К вам пришла, потому что знаю, Макс честный человек, он не обманывает клиентов. Имейте в виду, если вы откажетесь, я возьму бесплатную газету, найду сто объявлений от частных детективов и обращусь к первому попавшемуся.

Я ее предостерегла:

– Валюша! Нельзя искать сыщика с помощью прессы или в Интернете. Знаешь, какое количество людей обращается к Максиму после того, как их обманули доморощенные «Шерлоки Холмсы», пообещавшие мигом справиться с проблемой? Эти горе-детективы вытянули из них кучу денег, но ничего не сделали.

– Вот поэтому я и пришла к вам, – отчеканила Валя. – Повторяю, все равно затею расследование. Если вы откажете мне, я точно попаду в лапы мошенника.

– А как к твоей идее относятся родственники? – поинтересовалась я.

– Ни папе, ни тетке, ни тем более Ларе я ничего не говорила. Зачем их зря волновать? – пожала плечами Валя. – Сначала надо правду выяснить. Так как, мне идти за газетой?

– Ладно, – сдалась я, – не стоит никуда ходить. Но ты должна пообещать, если мы поймем, что диагноз был верен, лечили Раису Измайловну правильно, что не станешь искать то, чего нет. Хорошо?

– Согласна, – кивнула Валентина. – Мне нужна правда, одна правда, и только правда. Если мама погибла из-за халатности врача, я добьюсь его наказания. Если и в самом деле умерла от кори, приму это. Вот аванс.

Я посмотрела на конверт, который она положила на столик.

– Сейчас не нужно платить деньги.

– Заключая договор, надо внести тридцать процентов, – уперлась Валя, – так на сайте агентства Макса написано.

– Посиди здесь пару минут, – попросила я, – схожу за бланком договора.

На самом деле необходимые бумаги лежали в секретере, и мне достаточно было протянуть руку, чтобы их достать, но я хотела позвонить мужу и вкратце описать ему ситуацию.

Глава 5

Когда типовой договор был подписан, Валентина с шумом выдохнула:

– Спасибо. Теперь слушайте продолжение.

– История с корью еще не все? – удивилась я.

Валя вынула из кармана телефон.

– Это сотовый Ларисы, папин подарок. С виду простой, совсем неприметный гаджет, но на самом деле он сделан по спецзаказу и стоил больших денег. Пару лет назад у одного папиного знакомого, тоже владельца автосалона, на сына напали какие-то отморозки, увезли его в лес, привязали к дереву, пытали. Отец наш тогда перепугался и заказал для нас с Ларой два ничем внешне не примечательных аппарата. Подобными – по виду, не по сути – мобильниками средней ценовой категории пользуется большая часть россиян.

Я внимательно слушала Валечку и вот что узнала.

Трубки сестер Весениных являются очень хитрыми устройствами. Если кто-то позвонит девушкам с угрозами или наговорит им гадостей, дочерям Николая следует нажать всего одну клавишу, и разговор запишется. В случае нападения им предписывалось воспользоваться находящейся на боковой панели кнопкой, тогда на пульт охраны поступит сигнал, а на экране компьютера высветится точка, указывающая, где они находятся. Перечислять все таланты нафаршированных электроникой мобильных телефонов не имеет смысла, главное для нас – это их способность фиксировать речь звонивших.

Сегодня утром Лариса проспала. Вчера сестры легли поздно – убирали квартиру после сороковин. Валентина, понимая, что работы по дому будет много, заранее отпросилась на полдня со службы, договорилась прийти в банк после трех. А Лариса никогда не пропускала занятий, поэтому, вскочив слишком поздно, умчалась в училище, не позавтракав и забыв взять сотовый.

Валя нашла ее трубку в кухне на полочке и в первую секунду решила позвонить Ларе. Потом ей стало смешно – сотовый-то сестры дома! Валя повертела

мобильник, поняла, что батарейка полностью села, и поставила телефон на зарядку. Завозилась по хозяйству, а потом вдруг услышала характерный звук, который издал аппарат младшей сестры – кто-то прислал ей эсэмэску. Валя никогда не роется в телефоне Лары, Весенины уважают друг друга, не читают предназначенные не им сообщения, не подслушивают, о чем разговаривают родственники. Но сегодня Валентина, сама не понимая почему, нажала на кнопку и увидела текст, сообщавший, что некто не смог вчера дозвониться до Ларисы и оставил ей сообщение на автоответчике. Почему у Вали сжалось сердце? По какой причине она подумала: «Лучше мне первой выслушать послание»? Наверное, у старшей сестры сработала интуиция. «Чуйка», как говорит Макс. Благодаря этой самой «чуйке» некоторые люди, уже приехав в аэропорт, спонтанно отказываются от полета и не попадают в авиакатастрофу. Или выхватывают из кипы лотерейных билетов выигрышный.

Валентина перевела дух.

– Лучше сами послушайте. Секундочку… Включаю.

Я посмотрела на телефон, который она держала в руке. Из него послышался незнакомый мужской голос:

– Ты убила свою мать. Знаю, что это ты сделала. Раиса погибла из-за тебя. Ты виновата. Ты убийца. Живи и бойся. Я все знаю.

Послышался щелчок, запись прервалась.

– Ничего себе заявление! – не сдержала я эмоций.

Валя протянула мне аппарат.

– Возьмите. Я записала разговор. Лариска звонила из училища на домашний номер, спрашивала, не лежит ли где ее трубка. Я соврала, сказала, что нигде ее нет. Сестра расстроилась, воскликнула: «Так и знала! Я вчера сотовый в плаще забыла, и его, наверное, в метро утром из кармана вытащили. Около меня все время парень какой-то крутился, постоянно толкал, наступал на ногу, видимо, он вор. Папа расстроится».

– Зачем ты записала голосовое сообщение? – не поняла я.

– Я рассказала только что, какие нам трубки сделали, – заморгала Валя, – особенные, с функцией, которая позволяет…

– Я помню твои слова, – остановила я ее. – И понимаю ход мыслей Николая Георгиевича. Он хотел иметь возможность найти того, кто станет угрожать его детям. Но сообщение на автоответчике будет храниться в памяти телефона, пока его не удалят.

– Ой, действительно… – пробормотала Валя. – Совсем я растерялась, только время ваше потратила зря, вещала про функции наших гаджетов. Меня огорошило обвинение мужчины, и я решила ни за что не отдавать Ларисе мобильник. Вдруг этот человек ей еще раз звякнет? Она забыла, что вынула вчера трубку и положила ее в кухне на полку, пусть продолжает считать, будто мобильник утром в метро сперли.

Я с жалостью посмотрела на Валю.

– Не самая удачная идея. Лара купит новый аппарат, возьмет у мобильного оператора копию симки, и шантажист получит второй шанс.

– А вот и нет. У нашего папы пунктик, – хмыкнула Весенина, – если кто-то из нас телефон посеет, нужно купить другой номер. Никакие уговоры на отца не действовали, взял с нас обеих клятвенное обещание сделать именно так. Понятия не имею, почему он решил, что, приобретая другой аппарат, опасно пользоваться прежним номером, но сейчас нам это на руку. Не хочу, чтобы кто-нибудь разволновал Лару. Прямо счастье, что сестра дома трубку забыла, а я ее взяла. Я сначала подумала, что ее обвинил кто-то из танцоров. Ларису в училище терпеть не могут за талант, в лицо ей улыбаются, а за спиной судачат. И досужими разговорами дело не заканчивается. Папа заказал Ларе пачку, очень красивую и дорогую, с ручной вышивкой и кружевами, когда ей предстояло выступать в конкурсе. Он хотел, чтобы его дочка была неотразима. Лариса привезла пачку в гримуборную, повесила ее на штангу и вышла с кем-то поговорить. А когда вернулась, наряд был искромсан ножницами.

– На сцене балерины кажутся ангелами, – вздохнула я.

– Ага, – кивнула Валя. – Только кое у кого нимб на рогах держится, а под юбкой хвост прячется. Поэтому первыми у меня на подозрении оказались танцоры. Но потом я подумала – а вдруг тот мерзавец сам имеет отношение к смерти мамы? Возможно, кто-то сильно ненавидит нас, всю семью. Понимаете, издали многим кажется, что у нас не жизнь, а сплошной шоколад. Папа владеет прибыльным бизнесом, любил жену, Лариса гениальная балерина, а я, прыщавая толстуха, жениха-красавца отхватила. Зависть страшная штука. Что, если маму отравили? А теперь, спустя сорок дней после ее кончины, за Лару принялись, задумали довести ее до психушки? Следующая, наверное, я на очереди. А может, отец. Раз вы взялись расследовать смерть матери, вам обязательно надо о звонке знать.

– Можешь оставить телефон Ларисы у меня на некоторое время? – попросила я.

– Забирайте насовсем, – махнула рукой Валентина, – все равно Лара считает трубку украденной. Пока подлец ее новый номер узнает, пара недель пройдет. Не хочу, чтобы Ларка дергалась. У нее вот-вот будет показ перед французами, представители парижской труппы уже в Москве. Ни словом ей о звонке не обмолвлюсь. Вы ведь тоже промолчите, да?

Я хотела сказать, что одно из главных правил детектива гласит: «Держи рот на замке, а глаза раскрой пошире», – но не успела. Из верхнего кармана платья Вали понеслась веселая трель. Она вытащила свой сотовый.

– Привет, Борь. Я? Сейчас вернусь домой, отбежала на проспект за хлебом. Ты пришел? Уже несусь обратно.

Я молча смотрела, как Валя засовывает трубку на место, встает и направляется к двери. Когда она шагнула в коридор, я не выдержала:

– Врать надо уметь.

Весенина оглянулась.

– Я стараюсь вообще не лгать. А что?

Я приблизилась к Валюше.

– Понимаю, ты не приучена врать, поэтому сказала Борису глупость про булочную.

Щеки девушки вмиг покраснели.

– Не хочу никому говорить о нашем с вами договоре. Отец после смерти мамы пребывает в истерике, Ларисе, как я уже объяснила, надо хорошо выступить перед французами. Жених мой очень внимательный, заботливый парень, но не всегда меня понимает. Боря не любит про свое детство рассказывать, но по кое-каким оговоркам я поняла, что ему не очень сладко пришлось. Внешне он мне сочувствует, но в душе, по-моему, удивляется, почему я так убиваюсь. Мол, все умирают, это закон жизни. И Боря ненавидит полицию. Соответственно, ему не нравятся частные детективы, среди которых много бывших сотрудников МВД. Не знаю, кто и когда из людей в форме обидел его, но мое обращение к вам он точно не одобрит, а я с ним выяснять отношения не хочу, потому что очень его люблю. Думала, успею до прихода Бори с вами поговорить, но задержалась. Он уже в родительской квартире, у него ключи есть.

– Солнышко, в домашних тапочках, даже в таких милых, как у тебя, в виде щенков, на улицу не выходят. Платье тоже не очень подходящее, за версту видно, что оно домашнее, – улыбнулась я. – И где хлеб, который ты якобы купила?

– Вот черт, – расстроилась Валя. – Правда, глупо получилось. О, я придумала! У вас есть целый батон? Дайте мне, скажу, к Лампе за хлебом забежала.

– Думаю, Борис запомнил твои слова про булочную, – возразила я. – Лучше надень мои туфли. Они самые обычные, черные, навряд ли он знает всю твою обувь. Еще скажи ему, что очень торопилась и не стала курточку набрасывать, подумала, что тепло, а в результате продрогла. Только побыстрей верни лоферы, они мне нужны. И больше не обманывай жениха по пустякам, а то рискуешь потерять его доверие.

– Спасибо, – сказала Валя, надевая мои туфли. – Чуть великоваты, но это ерунда. Ой, смотрите, тут на мыске для украшения пряжки пришиты, и у одной язычка нет. Это не я потеряла.

– Вчера отвалился, – пожаловалась я. – Буду так носить, починить это невозможно.

– А вы попробуйте их в мастерскую, что в нашем супермаркете открыта, сдать, – посоветовала Валя. – Там работает Ашот, у него руки золотые, он нам кучу обуви реанимировал. И еще замок на куртке поменял, фурнитуру к сумке подобрал.

Соседка убежала. Я еще раз позвонила Максу, обсудила с ним неожиданно упавшее на голову дело, посмотрела на часы и поняла: пора собираться на телевидение. Надела ярко-голубое платье, привезенное мужем из Америки, накрасилась и пошла в прихожую, где застыла в задумчивости перед шкафом с обувью. Что выбрать? На улице апрель, вроде тепло, но постоянно моросит дождик. Я езжу на машине, поэтому не боюсь луж и могу смело надеть шпильки. Но от высокого тонкого каблука у меня быстро заболят ноги. Сапоги или ботильоны никак не сочетаются с элегантным шелковым платьем. О босоножках рано думать. Ну и что остается? Мокасины? Но они будут плохо выглядеть на телеэкране. Лучше всего подошли бы лоферы. Они не очень парадные, на широком каблуке и сейчас на пике моды. И зачем я предложила Вале именно их? Ну почему не дала ей серые замшевые туфли на танкетке?

Раздумья прервал звонок в дверь. Я глянула на экран домофона, обрадовалась и быстро распахнула створку.

– Боря чаю попил и неожиданно на диване заснул, устал очень, – заговорщицки прошептала Валя, ставя на пол лоферы, – а я живенько к вам, чтобы туфли вернуть.

Мы быстро распрощались, я схватила сумку и поспешила на парковку.

* * *

Возле мрачного охранника, стерегущего вход в здание телецентра, меня встретила растрепанная девочка, одетая совсем не по-весеннему в тяжелый свитер крупной вязки, бесформенные темно-синие брюки и угги.

– Романова? – лениво спросила она. – Побежали.

Не успела я моргнуть, как сопровождающая стартовала и на приличной скорости понеслась по длинному коридору, ловко лавируя между людьми. Я попыталась следовать за ней, через минуту безнадежно отстала и позвонила Ире.

– Пришла? – обрадовалась Звягина. – Тебя разве не встретили?

– Была какая-то девочка в теплых сапогах, – ответила я, – но так быстро умчалась, что я ее потеряла.

– Сейчас оторву дуре голову, – пообещала Ирина. – Где ты находишься?

– Возле буфета с сосисками, – отрапортовала я.

– Отлично! Ступай вперед до первого поворота, потом иди по левой галерее до двери с номером сто десять, – приказала подруга.

Я послушно выполнила указание и очутилась в просторной комнате, где находились Звягина и масса снующих туда-сюда людей.

– Ольга, это героиня на хлебопечки! – заорала Ира.

Полная тетка, державшая в одной руке пачку листков с напечатанным текстом, а в другой большую пухлую булку, окинула меня оценивающим взглядом.

– Хлебопечки отменили.

– Мне никто не сказал, – обиженно протянула Звягина.

Ольга скорчила гримасу.

– Прости, дорогая, постоянно забываю, что ты здесь главное лицо.

– Можно уходить домой? – обрадовалась я.

– Нет! – гаркнула толстуха и вцепилась зубами в плюшку. – Хлебопечки заменили на батареи.

Я растерялась.

– Но мне батарея не нужна.

Ольга бросила листки на диван.

– Офигеть! Ирина, ты кого приглашаешь? Не хочет работать, нехай катится в задницу. Веди сюда героиню на батареи. Времени тебе на все… э… пять, нет, четыре минуты. Иначе грим не успеют наложить, съемку задержат, и тебя, несмотря на то, что ты у нас тут наивысшее начальство, вон выпрут.

Ира умоляюще посмотрела на меня.

– Ладно, – пробормотала я, – пусть будут радиаторы.

Ольга закатила глаза.

– Спасибо тебе, дорогая, что согласилась нам помочь. А теперь на рысях переодеваться.

– Чем плохо мое платье? – не поняла я. – Оно модное, новое, дорогое.

– Кисонька, – сладким голосом завела Ольга, – по сценарию ты тетка пятидесяти восьми лет, живешь в крошечной однушке на скромную пенсию. Разве такая карга может носить шмотку ценой в три моих зарплаты? Извини за неудобство, но наша Ирина никак не может сообразить, кого надо приглашать. Уважь мою просьбу, переоденься. А заодно и переобуйся.

Звягина, стоявшая за спиной толстухи, снова молитвенно сложила руки и начала корчить гримасы.

Я тяжело вздохнула. Назвался груздем – полезай в кузов.

– Куда идти?

– Ты ангел во мраке телевидения, – обрадовалась Оля. – Лена, ты где?

– Аюшки? – заорала в ответ такая же корпулентная дама. – Чего надо?

– Одень героиню, – распорядилась, доедая булку, Ольга.

– А ее размера нет, – ответила Лена, – дохлая очень.

– Знать ничего не желаю! Заколи булавками, зашей, замотай скотчем. Работай! Здоровья вам всем и счастья.

– Здоровья вам всем и счастья, – эхом отозвалась Лена.

Ольга схватила листки и с неожиданной для такой толстухи скоростью куда-то умчалась. Лена взяла меня за плечо и еще раз повторила:

– Здоровья вам всем и счастья. Добро пожаловать в сумасшедший дом. Первый раз на съемках? Ничего, научишься. Иди сюда. Стой прямо. Садись на табуретку.

Я растерялась от противоречивости указаний.

– Стоять, идти или сидеть?

– Однофигственно, – пропела костюмер. – Можешь даже лежать или прыгать. Во! Супер прикид. Нравится?

Я посмотрела на бесформенное платье цвета детской неожиданности и ответила:

– Ничего красивее до сих пор не видела. Горю желанием примерить.

Глава 6

Лена улыбнулась.

– Здоровья вам всем и счастья.

– Спасибо, – машинально ответила я.

Костюмерша рассмеялась.

– Тебе, похоже, тысяча рублей за съемку не нужна?

– Нет, – ответила я. – Даже не знала, что за выступление в шоу деньги платят.

Елена открыла шкаф и начала рыться на полках.

– Ирка попросила ей по дружбе помочь? Сделай одолжение, переоденься в это дерьмо. Другого, честное слово, нет.

– Разве запрещено помогать подругам? – спросила я в свою очередь. – Ире нельзя приглашать на эфир своих знакомых?

– Да все редакторы так поступают, – мирно пояснила Лена. – Давай поясок повяжем, а? Точно лучше станет. А сзади я аккуратненько заколю. Хотелось бы мне иметь твой размер, но я никогда не стану стройной, потому что очень жрать люблю, и чем еда вреднее, тем она для меня вкусней.

В комнатушку без стука вошла женщина в темном костюме, на плече у нее висела большая сумка из серой замши.

– Елена? Ольга велела вам дать мне шаль.

– Здоровья вам всем и счастья, – пробормотала Лена. – А вы кто?

Дама слегка покраснела.

– Главная героиня вашего сегодняшнего шоу.

– Здоровья всем и счастья, – выдохнула костюмер. – Сейчас вот девушку одену и поищу платок.

– Я основное действующее лицо, а не второстепенный персонаж! – возмутилась тетка. – Нужно уделить внимание мне, а не остальным! Я могу пожаловаться Степану.

– А кто у нас Степан? Здоровья вам всем и счастья, – пробубнила Елена, застегивая на моей талии пояс.

– Безобразие! – прошипела незнакомка, резко повернулась на каблуках и уронила сумку.

Она плюхнулась на пол, из нее вывалилась масса вещей: расческа, пудреница, конфеты, пачка сигарет, ежедневник, телефон и странный, изогнутый во все стороны ключ с большой зеленой пластиковой подвеской в виде дома. Поскольку последний предмет отлетел прямо к моим ногам, я нагнулась, подняла его и увидела, что брелок представляет собой бирку наподобие тех, что вешают на чемоданы. Ну, знаете, такие, где с одной стороны прозрачный кармашек. В тот, что держала я, была вставлена карточка с текстом: «Семейное счастье на Якиманке».

– Немедленно отдай! – взвизгнула тетка и в ту же секунду буквально выдрала из моей руки ключ, больно оцарапав мою ладонь своими длинными, острыми ногтями. – Кто разрешил чужое хватать, а? Хамло!

– Я хотела вам помочь… – растерялась я.

– Тебя не просили! – гаркнула мадам, быстро запихивая в мешок из замши то, что из него выпало. – Ну, я пошла к Степану.

– Передайте ему от нас привет, здоровья вам всем и счастья, – крикнула в спину уходящей Лена. Потом повернулась ко мне. – Видела ханыгу? Главная героиня… У нас таких нет. Вот как некоторых плющит. Один раз в жизни позвали на телевидение, и крыша у бабы от собственной значимости унеслась прочь. И кто такой Степан? Прямо интересно стало.

– Вероятно, дама имела в виду одного из героев передачи «Спокойной ночи, малыши», – улыбнулась я. – Он на экране не одно десятилетие выступает, наверное, пользуется авторитетом в кулуарах. Правда, Степашка не с вашего

канала, но это ерунда, он везде порядок наведет.

Лена расхохоталась и протянула мне шоколадку.

– Здоровья вам всем и счастья. Держи, она суперская.

Мне не хотелось обижать костюмершу, поэтому я отломила кусочек от плитки и сделала вид, что пришла в восторг от угощения.

Минут через тридцать, а вовсе не через пять, как говорила Ольга, меня наконец-то привели в студию и представили ведущему, симпатичному парню лет двадцати пяти.

– Здоровья вам всем и счастья, – зачастил он, глядя на планшетку, которую держал в руках. – Очень рад. Сергей. Вы Екатерина, хотите приобрести велотренажер?

Я удивилась. Но тут же вспомнила умоляющие взгляды Иры и на всякий случай ответила:

– Да.

– Здоровья и счастья! – заорал с потолка чей-то бас. – Серега, у тебя что в башке? Макароны с мясом? Снимаем раскладушки.

– Здоровья и счастья, здоровья и счастья… – завел Сергей, опять косясь на листок, прикрепленный к картонке. – Извините, у нас произошла путаница. Вы Надежда, хотите купить обои? Ваня! У меня в карточке нет макарон с мясом!

– Здоровья вам всем и счастья. Серега, спагетти у тебя под черепом вместо мозга, – прогремело с потолка, – сейчас раскладные кровати.

– А вот тебе два раза здоровья и счастья, – загудел Сергей. – Нет таких в сценарии. Вы кто? Что хотите? Как вас зовут?

Последние вопросы были обращены ко мне.

– Лампа, – представилась я.

– Ваня, у нас лампочки, – мгновенно сообщил Сергей.

– Нет, нет, – быстро поправила его я, – меня позвали купить хлебопечку, но потом переделали ее в батареи. Лампа это имя.

Сергей заморгал и зачем-то постучал ладонью по своему левому уху.

– Вань, слышал?

– Да, – неожиданно спокойно ответили с потолка. – Мир сошел с ума. Девушка, как вас зовут?

– Лампа, – снова представилась я. – Полное имя Евлампия.

Повисла тишина. Затем невидимый Иван нежно промурлыкал:

– Здоровья и счастья. Чудесно выглядите, мы вам рады, сделайте одолжение, представьтесь Машей. Хорошо?

– Пожалуйста, – согласилась я.

– Вы чудо, – обрадовался Иван. – Все знаете? Редактор объяснила?

– Проинструктировала полностью, – отрапортовала я.

– Заинька вы наша, – умилился Ваня. – Я в восхищении. Уж простите нас, тут…

Раздался дикий грохот, я вздрогнула.

– Эй! – заорал Иван. – Что там, здоровья и счастья вам, случилось?

– Крыша упала, – завопил женский голос из-за задника.

– Чья? – поинтересовался Ваня. – Надеюсь, того редактора, который, здоровья ему семь раз и счастья двенадцать во все печенки, сценарий на эту программу сляпал?

– Не-а, – ответили из темноты. – Крыша от макета дома, которым в первой рубрике хотели мопед заменить, а потом придумали вместо чемодана в шестой эпизод дать. Реквизиторы крышу на скотч посадили, а она – того самого. В общем, нет ее.

– Все телевидение держится на скотче, – хмыкнул ведущий.

– Здоровья всем реквизиторам и счастья, – гаркнуло с потолка.

– Опять мы крайние! – взвизгнула тетка в комбинезоне, пробегая мимо нас с Сергеем. – Правильно, давай, бей реквизиторов. А то, что редакторы, здоровья им всем и счастья, на ходу сценарий кромсают, ерунда. Реквизиторы – вот кто ужас и кошмар телевидения.

– Дорогая Керосинка, – нежно пропел Иван, – вы уж простите нас, снимаем третий день подряд по пять программ, так что немного того-самого, не свежие мы.

Тетка, успевшая пересечь съемочную площадку, замерла.

– Эй, ты с кем говоришь-то?

– С героиней, – неожиданно тихо произнес Иван. – Здоровья и счастья всем, кто приходит сниматься в шоу. Имя у человека такое, Керосинка. И что? Ничего удивительного.

– Меня зовут Лампа, – поправила я.

– Простите, – снова извинился Иван. И закричал: – Ну, хватит! Мотор на запись! Поехали! Здоровья и счастья!

– Тишина в студии! – заорали сбоку. – Публика улыбается. Аплодисменты. Эй, в зале! Выпрямили спины, на всех лицах счастье, не спать!

– Это программа «Покупаем вместе», – зачастил Сергей, – и сегодня к нам пришла Маша. Здравствуйте, Машенька! В чем у вас проблема?

– Стоп, – завопил Иван, – надо «Выбираем вместе»! Сергей, ты перепутал названия!

– Чтоб у тебя здоровья больше, чем у всех, было, – пробурчал ведущий. – Название совершенно идиотское. Поехали заново. Можно?

– Давай, – согласился Ваня.

– Добрый вечер, добрый вечер, – затараторил Сергей.

– Стоп!

– Что опять не так? – возмутился ведущий. – Я еще ничего не сказал! Два слова всего произнес!

– И оба неверные, – перебил Иван. – Забыл, когда эта программа будет в эфире? В одиннадцать утра. Ну, еще разок, начнем по новой.

Минут через десять Сергею наконец удалось произнести текст без ошибок, и он повернулся ко мне.

– К нам пришла Маша. В чем же у нее проблема?

– У меня новая квартира, – затараторила я текст, который велела выучить Ольга, – голые стены. Нужны батареи. А какие выбрать? Радиаторов много, все разные по цене и качеству.

– Прекрасно. Сейчас мы вам поможем! – обрадовался ведущий. – У нас в студии почетный сантехник дома номер семь по Лобанской улице Андрей Петров со своими батареями. Встречаем его бурными овациями…

Зрители в студии забили в ладоши. Бархатная занавеска в левом углу раздвинулась, и появился мужчина. За ним шли две женщины, одна постарше,

другая совсем молоденькая, обе они были одеты в экстремально короткие, обтягивающие платья, отделанные стразами, отчего походили на сардельки, которые кто-то обвалял в бутылочных осколках. Улыбаясь во весь рот, троица прошагала в центр площадки.

– Техническая пауза! – заорал Сергей. – Доброго здоровья, Ваня. Что происходит? Он должен выйти с чугунными гармошками, а с кем пришел?

– Это мои жена и дочь, – пояснил Андрей, – они тоже хотят поучаствовать.

– Здоровья и счастья, – устало сказал Сергей. – Ну просто полный комплект здоровья и счастья со всех сторон. У нас редактура собирается работать?

– Андрюша, – прощебетал Иван, – нам от вас нужен совет, как выбрать батарею. Девушкам-красавицам придется сесть в зал.

– Не-а, – хором возразили сверкающие «сардельки», – мы лучше с папой постоим.

– Ладно, – неожиданно согласился Иван, – только ничего не говорите.

– Не болтливые мы, – заверила супруга сантехника.

– Продолжаем, – велел Ваня. – Реквизит! Где батареи?

Раздался грохот. Двое парней в комбинезонах выдвинули в центр студии тележку, затем медленно и торжественно начали снимать с нее разнокалиберные радиаторы. Пять штук. Действо заняло минут пятнадцать. Потом юноши с угрюмым видом удалились за кулисы.

– Супер! Молодцы. Даже гроб в могилу быстрее опускают, здоровья вам, – восхитился Ваня. – Погнали. Снимаем.

– Андрей, какие обогреватели лучше выбрать нашей героине и почему? – заулыбался Сергей.

Сантехник откашлялся.

– Ну… это… типа… ваще… конечно… должно подходить и греть. Если не греет и не подходит, брать… это… типа… ваще… конечно… не надо. Подходить и греть ваще-то! Зачем брать-то это… типа… если не подходят и не греют? Ваще… типа… того… Да!

– Батареи разные, – вдруг заговорила жена сантехника, – например, чугунные. Чем они хороши?

Я воззрилась на нее. Ведущий тоже уставился, а тетка четко, ясно и конкретно рассказывала о всех недостатках и преимуществах представленного в студии товара.

– Гениально, – выдохнул Сергей после того, как она замолчала. – Маша, вы все поняли?

– Да, огромное спасибо, – сказала я.

– А теперь самое интересное, – объявил ведущий, – Андрей посчитает, сколько секций нужно купить Маше. У нее квартира двадцать шесть квадратных метров.

Андрей начал чесать в затылке, жена снова пришла ему на помощь:

– Очень легко узнать…

Сергей поднял руку.

– Нет, это должен сказать мужчина, он у нас эксперт. Спасибо за помощь, но вам лучше помолчать. Андрей, начинайте.

– Значит, двадцать шесть квадратов… – прогундосил сантехник. – Тут математика требуется, надо посчитать количество кубометров нагреваемого воздуха.

– Считайте! – велел Сергей.

– Длину, значит, квартиры умножаем на ширину и высоту, – вдруг бойко заговорил сантехник, – и из полученной суммы извлекаем третичный корень.

Математика не мой конек, если честно, ученица Романова так и не выучила таблицу умножения, поэтому слова про третичный корень показались мне весьма загадочными. А сантехник, вдохновленный удачным выступлением супруги, вещал дальше:

– Результат нам надо поделить на четыре, потому что в одном литре воздуха содержится четыре атома холодного кислорода, нагрев его, получим ровную температуру помещения и умножим на шесть для поддержания оптимальной сухо-влажности, что хорошо для здоровья и для общей жизни. Вот.

Сергей потряс головой.

– Замечательно. А теперь конкретно. Сколько батарей надо купить нашей Маше?

– Сначала считать? – насупился Андрей.

– Нет! Назовите число, – потребовал ведущий.

Сантехник посмотрел на жену.

– Любаня, сегодня вторник? Запутался я чего-то… День какой у нас?

Сергей заулыбался еще шире.

– Я имел в виду число радиаторов. Цифру назовите. Еще раз озвучиваю главный вопрос дня: сколько радиаторов необходимо приобрести нашей Маше для квартирки общей площадью двадцать шесть километров? Ох, простите, квадратных метров.

Андрей приподнял брови и отчеканил:

– Семьдесят две штуки.

Я едва удержалась от смеха. Даже если Маша приделает в своей крохотной норке батареи ко всем стенам в три ряда, привинтит их к потолку и загородит радиаторами окна, семьдесят две секции в нее никогда не поместятся! Сейчас

Иван остановит съемку, и дребедень начнется заново. Хитрая Иришка, обещая, что я проведу на телевидении от силы полчаса, обманула меня, наивную. Я здесь простою сутки.

– Отлично! – закричал Иван. – Машенька, к вам, милая моя, просьба. Сейчас Сергей произнесет заключительные слова, а вы должны обнять батарею, вон ту, самую большую, и изобразить на своем лице наиболее радостную из всех радостных радостей. О’кей?

– Постараюсь изо всех сил, – пообещала я.

– Вы чудо! – умилился Иван. – Красавица, умница и яркий талант. Сергей, очнись, доброго тебе здоровья во все зубы. Поехали! От винта! Взлетаем!

Ведущий раскинул руки в стороны.

– Дорогие мои, мы решили проблему. Машенька, вы довольны?

– Совершенно счастлива, – ответила я, – огромное спасибо.

– И это еще не все! – повысил голос Сергей. – Вам же нравится вон та батарея?

– Очень! – с жаром воскликнула я. – Лучший радиатор на свете. Он прекрасен! Просто принц из моей мечты!

– Ну так забирайте его себе! – провозгласил ведущий. – Наша программа дарит вам батареи для отопления вашей квартиры. Это было шоу «Выбираем вместе», приходите к нам, задавайте вопросы, получайте ответы и прекрасные подарки!

В первую секунду, услышав про презент, я обомлела. За каким чертом мне семьдесят две чугунины? Но потом, вовремя вспомнив указание Ивана, я присела около одной из «гармошек», нежно обняла ее, положила голову на холодную железяку и замерла, стараясь удержать на лице выражение безграничного счастья.

– Всем спасибо, снято! – прогремело с потолка. – Дорогая Керосинка, вам надо выступать на сцене. Огромное вам мерси и грациа! Вы супер! Лучшая!

Аппаратная от вас в восторге.

Я встала и отряхнула балахон. Сергей отошел в сторону, сгорбился и прошептал:

– Здоровья всем на свете и счастья.

Иру я не увидела. Костюмерша Лена живо переодела меня и протянула влажную салфетку.

– Грим снимать будешь?

– Спасибо, – поблагодарила я и протерла лицо.

– Ты молодец, – похвалила меня Лена. – А сантехник редкий идиот. Семьдесят две батареи!

– Но Иван ему замечания не сделал, – улыбнулась я.

Елена начала рыться в ящике стола.

– Ваня прекрасный режиссер, но он просто уже опупел, четыре проекта одновременно снимает. Ну, прямо до фига у него здоровья и счастья!

– Почему вы все постоянно повторяете эти слова? – удивилась я. – Про здоровье и счастье?

Лена выпрямилась.

– Знаешь, в жизни бывает форс-мажор, бывает перманентный бардак, а бывает телевидение. Ну прямо каждый день, как свадьба в психушке, весело, аж жуть, только доброго доктора с волшебными таблетками, к сожалению, тут нет. А как стресс снять? Ругнуться надо. Выскажешься от души, и полегчает. Друг на друга никто у нас никогда не обижался. А что такого? Сегодня тебя послали, завтра ты пошлешь. И вообще, коллектив у нас хороший, дружный. Но осенью прошлого года в телецентр пришел новый директор и сразу издал приказ: кто крепкое словцо употребит – на выход с вещами. Мы сначала решили, что мужик прикалывается. Ан нет, начальничек двоих за ворота выставил. Время трудное,

безработица вокруг, вот мы и говорим про здоровье и счастье вместо того, чтобы по известному адресу отправить. Теперь сплошное здоровье и счастье, а не жизнь у нас. Я так привыкла, что и в обычной жизни таким макаром выражаюсь. Наорет на меня кто, скажем, в магазине, а я ему в ответ здоровья да счастья желаю. И тишина повисает…

– Романова тут? – закричал из коридора мужской голос. – Адрес скажите, улицу, номер дома, квартиры.

Я машинально сообщила о себе сведения и спохватилась:

– Зачем вам нужна эта информация?

Ответом послужило молчание.

– Держи, – сказала Лена, протягивая мне пряжку. – Туфли у тебя шикарные, а аксессуар сломался, язычок отлетел. Вот, нашла в своем барахле точь-в-точь такую же, но целую. Попросишь мужа, он легко переставит. Или в ремонт обуви загляни.

– Спасибо, – обрадовалась я. – Сколько я тебе должна?

– Офигела? – возмутилась костюмерша. – Кто я, по-твоему? За ерунду денег не беру.

Я протянула Елене свою визитку.

– Дай мне свой контакт. Созвонимся и попьем вместе кофе, я знаю кондитерскую с великолепными пирожными.

– От такого предложения не откажусь, – обрадовалась Лена, доставая из сумки карточку. – Обожаю эклеры!

Глава 7

Сев в машину, я соединилась с Максом и сказала:

– Поскольку я не понимаю, с чего начать, то поеду к Раисе на работу, порасспрашиваю там сотрудников. Может, Валя напутала, и весь детский сад переболел корью.

– Давай, – согласился Макс. – Телефончик Ларисы я забрал, он уже в лаборатории, Леня пытается разобраться с автоответчиком. Антон проверяет Весениных.

– Есть что-нибудь интересное? – спросила я.

– Пока ничего, – вздохнул муж, – вроде со всех сторон добропорядочная семья. В конце девяностых у Николая возникли проблемы с налоговой, но он их решил и с тех пор спит спокойно. С деньгами у мужика порядок, бизнес колосится, кредитная история в ажуре. Раиса всю жизнь в одном учреждении работала, пришла воспитательницей, дослужилась до директрисы. Валентина окончила институт, теперь работает в банке. Не замужем, но есть жених. Лариса восходящая звезда, лауреат нескольких конкурсов, надежда российского балета. Полиция Весениными никогда не интересовалась. Ну, это, так сказать, верхний, черноземный слой, попробуем копнуть глубже. Что же касается телефонного звонка танцовщице… Лариса еще ребенок, трудно заподозрить ее в связи с женатым мужчиной, ревнивая жена в данном случае отпадает. Остается банальная зависть.

– Ларе пятнадцать лет, – возразила я, выруливая на проспект, – сейчас подростки другие, чем в середине девяностых, намного психологически взрослее. Я бы не стала сбрасывать со счетов обозленную даму, с супругом которой младшая Весенина закрутила роман. Надо поработать и в этом направлении. Мне очень не понравились слова анонима про убийство Раисы. Что, если ее действительно насильно лишили жизни? Согласись, ситуация с вирусом, которым заразилась исключительно одна заведующая детсада, выглядит немного странно.

– Скоро получу историю болезни Раисы и сразу проконсультируюсь у профессора Богатикова, – пообещал Макс. – Он лучший специалист по кори, доктор наук, профессор. Если Лев Викторович сочтет, что Весенина была инфицирована ею, значит, так оно и есть.

– Что-то мне в этой ситуации не нравится, – пробормотала я, – тревожно на душе.

– Разберемся, – спокойно произнес Макс. – Со знакомыми людьми всегда так – начинаешь беспокоиться на пустом месте. Скорей всего ничего криминального нет, Раисе не повезло, она заболела и умерла. А Ларисе завидуют менее талантливые балерины, и одна из них могла подговорить своего кавалера на гадость. А! Вот и документы Весениной из клиники.

Меня внезапно осенило.

– Там же, наверное, указано время смерти?

– Да, – после короткого молчания подтвердил Макс, – летальный исход наступил в двадцать один час тридцать минут.

– Посмотри, когда звонили Ларе, – попросила я.

– Вот черт, – пробормотал муж, – ровно на сороковой день после кончины Раисы, в двадцать один час тридцать минут. Я бы не догадался сравнить время. Как эта идея пришла тебе в голову?

– Не знаю, – честно ответила я. – Тихий голос в мозгу подсказал.

– Кто мог знать, когда Рая ушла из жизни? – занервничал Макс. И сам ответил на свой вопрос: – Лечащие врачи, патологоанатом, медсестры, родственники.

– Людям важна дата, – перебила я, – про часы с минутами никто не думает. Это же не рождение ребенка, когда мать точно запоминает момент появления на свет младенца. Время смерти необходимо лишь для занесения его в историю болезни. Это, если, конечно, уместно так выразиться, техническая деталь.

– Но кто-то решил причинить боль Ларисе именно в тот момент, когда душа матери отлетела на небеса, – перебил Макс. – Валя не поняла этого. А аноним рассчитывал на обратное, полагал, что балерине станет совсем плохо, когда она сообразит: ей позвонили прямо в минуту ухода матери, ровно сорок дней назад именно в девять тридцать вечера Раисы Измайловны не стало. Тут уж, пожалуй, не просто зависть к более талантливой коллеге, а патологическая ненависть.

Слушай, теперь и мне история со звонком очень не нравится, попахивает социопатией.

– Подъехала к садику, – отрапортовала я.

– Быстро управилась, – удивился Макс.

– В пробку не попала, – пояснила я.

– Нехорошо лгать мужу, – уличил меня Макс, – в столице не бывает пустых улиц.

– У меня сегодня день удач, получила в подарок семьдесят две батареи, – засмеялась я.

– Что? – не понял супруг.

Я рассказала ему о том, как снималась в шоу.

– Хочешь сказать, что гора радиаторов поместилась в твою малолитражку? – усомнился Макс.

– Нет, естественно. Слава богу, мне батареи не достались, – весело сказала я. – Телевидение огромный обман, пообещали и не дали. Героиня укатила, никто об обогревателях и не вспомнил.

Макс откашлялся.

– Скажи спасибо, что они оставили радиаторы в студии. Куда б мы их дели?

* * *

В кабинете заведующей сидела приятная женщина лет пятидесяти. Она назвалась Софьей Борисовной и заметно испугалась, увидев мое рабочее удостоверение.

– Частное детективное агентство? Вас из-за пропажи комбинезона наняла мать Сережи Колесникова?

– Нет, – успокоила я директрису, – речь идет о Раисе Измайловне Весениной.

– Так она умерла, – еще больше занервничала Софья Борисовна.

– Не откажите в любезности, – попросила я, – ответьте на пару вопросов о своей покойной коллеге.

– Ладно, – протянула Софья, – задавайте.

– У вас в коллективе были случаи кори среди детей или персонала? – начала я.

– Нет, – решительно заявила заведующая, – миновала нас эта напасть. Детки здоровы, сотрудники тоже. Одной Раечке не повезло. Не зря говорят, бог к себе лучших забирает. Весенина была прекрасным педагогом, ее все любили, и коллеги, и родители, и малыши. Всегда приветливая, с улыбкой на лице, позитивная. Можете с любым человеком у нас потолковать, и только хорошее о Раечке услышите. До нее здесь Галина Михайловна Андрюхина царствовала, вот она жаба гадкая, прости господи, за злое слово. Сама воровала и коллектив подобрала соответствующий. А Раечка порядок навела, нечистых на руку выгнала, взяла прекрасных людей. Святой человек была!

Софья Борисовна достала из ящика стола бумажный платок и приложила к глазам. Затем продолжила:

– И почему именно с ней беда приключилась? Жить бы Рае да жить. Семья у нее крепкая, Николай садику спонсорскую помощь оказывал, недавно мы на его средства стеклопакеты поставили. Нам не положена ставка детского психолога, так Весенин на него денег дал. И много еще чего хорошего сделал для учреждения. Я у них дома на сороковинах была, и Коля сказал: «Софа, не беспокойся. Как помогал, так и дальше помогать стану. В память о Раечке останусь вашим благотворителем». Вы знаете, какие у нас детки?

– Маленькие, – улыбнулась я, – еще в школу не ходят.

Софья Борисовна выбросила салфетку в корзинку.

– Садик предназначен для малышей с синдромом Дауна. Таких заведений в Москве немного. Раечка мечтала, чтобы даунят, как в Америке и в Европе, принимали в общие учреждения. Они солнечные, ласковые, милые ребята, и здоровым малышам полезно общаться с теми, кто появился на свет с лишней хромосомой. Это учит сострадательности. Но, к сожалению, пока в России такой практики нет. Рая старалась сделать наш сад вторым домом малышей. У нас тут есть лекторий для родителей, занятия с психологом, кружки, в общем, настоящий семейный центр. Мы мечтаем о собственной школе, Раиса бегала по инстанциям, выбивала участок под строительство. И вот…

Софья Борисовна снова схватилась за упаковку с платками.

Около получаса я слушала рассказы новой заведующей, воспитателей и нянечек, которых она вызвала в свой кабинет. Женщины в один голос твердили: «Случаев кори ни в детском учреждении, ни у кого-то дома не отмечено; Раиса Измайловна лучшая из лучших, нельзя найти человека, который бы затаил на Весенину зло; она была идеальной, верной и любящей женой, прекрасной, заботливой матерью». Повествуя о покойной, все сотрудницы искренне плакали и восклицали:

– Почему Раечке так не повезло? Она очень радовалась, когда Валечка с Борей познакомилась, раньше-то переживала, что старшая дочь из-за не очень привлекательной внешности в девках останется.

Я начала прощаться, и тут вдруг Софья Борисовна воскликнула:

– Вещи! Может, вы их заберете?

– Не понимаю, о чем речь, – удивилась я.

Софья встала и показала на большой шкаф.

– Рая свою фитнес-сумку оставила в кабинете, домой не захватила. Забыла, наверное.

– Фитнес-сумку? – повторила я. – Раиса посещала тренажерный зал?

Заведующая подошла к гардеробу, распахнула створку, вытащила темно-синий баул с надписью «Sport» и поставила его на пол.

– Пару лет назад у Раечки возникли проблемы со здоровьем. Извините за откровенность, климакс подкрадывался, начались гормональные нарушения, увеличился вес. Врачи ей посоветовали регулярные занятия физкультурой. Весенина купила абонемент и три раза в неделю ездила тренироваться. Уходила в понедельник, среду и пятницу в пять вечера, раньше, чем рабочий день заканчивается. Но никто не возражал, потому что в остальные дни Раиса Измайловна задерживалась, приходила в садик по субботам, и дело не страдало. Весенина и правда похудела. Она мне частенько повторяла: «Сонюшка, старости не избежать, но только от тебя зависит, какой она будет. Не хочу превращаться в заржавленного бегемота, который скрипит суставами при ходьбе и не может наклониться, достать ладонями до пола. Нет, я буду веселой, стройной старушкой в узких брючках».

У Софьи Борисовны перехватило горло.

– Почему вы не отдали сумку родным? Ездили же на сороковой день к Весениным, – пробормотала я.

– Не смогла, – прошептала заведующая, – не хотела их травмировать, в особенности Ларочку. Младшая дочка нежный бутон, очень ранима. Представила, как вхожу в их квартиру, говорю: «Это вещи Раи», и Лара в обморок валится… А выкинуть нельзя, вдруг там что-то ценное, нужное. Уж, пожалуйста, отвезите, избавьте меня от тяжкой обязанности. Вы человек посторонний, у вас не будет сильных эмоций…

Не договорив, Софья Борисовна разрыдалась. Я подождала, пока она успокоится, попрощалась, взяла баул, села в машину и открыла молнию на сумке.

Внутри я увидела футболку, черные лосины, белые носки, кроссовки в специальном пакете и сумочку, где лежали непочатый гель для душа и мочалка. В общем, ничего особенного, обычный набор человека, собравшегося в тренажерный зал. Разве что меня удивила новизна вещей.

Я стала закрывать сумку, сдавила ее с боков и поняла, что во внешнем кармане находится нечто твердое. Запустила туда руку и вытащила ключи прихотливой формы с зеленым брелоком в виде домика. Находка показалась на удивление знакомой. Пару секунд я разглядывала ее, потом вспомнила. Точь-в-точь такой ключ выпал из серой замшевой сумки тетки, зажигавшей сегодня звезду в костюмерной телецентра. Только у скандальной особы в брелок была вставлена бумажка с надписью «Семейное счастье на Якиманке», а у Раи в прозрачном кармашке была картонка, на которой значилось «шкафчик 12».

Глава 8

Фитнес-центр на Якиманке со странным названием «Семейное счастье» располагался в трехэтажном современном здании, зажатом между двумя старыми дамами.

Я подошла к рецепшен, показала симпатичному пареньку за стойкой ключ и спросила:

– Будьте любезны, где…

– Вы перепутали вход, – перебил юноша, – вам в дом номер шесть, соседний подъезд. Клуб расположен там, у нас территория спорта.

– Ага, – кивнула я, – спасибо.

В холле указанного дома за большим столом сидел охранник.

– Вы куда? – лениво осведомился он.

Я показала ключ, который продолжала держать в руке.

– Извините, я вас пока не знаю, – смутился секьюрити, – проходите. Недавно к нам переехали? Если что в квартире не устраивает, звоните управляющей. Знаете ее телефон?

– Нет, – ответила я.

– Вот народ, – неодобрительно пробасил он, – ничего человеку не объяснили. Как звать-то вас?

– Лампа, – представилась я.

– Ефим Николаевич, – важно произнес дежурный. – Вы на какой этаж въехали?

Я глупо улыбнулась. Что происходит? Причудливый ключ не от шкафчика в спортзале? Он открывает некую квартиру? Раиса снимала апартаменты? Нельзя показывать секьюрити свое рабочее удостоверение, лучше прикинуться настоящей блондинкой, к ним никто не относится настороженно.

Я кокетливо стрельнула глазами.

– Ой, ну что с памятью делать? Может, попить какие-нибудь травки для лучшего соображения? Ну, например, валерьянку. Не запомнила циферки. Вечно их путаю. Этаж и номер квартиры из ума выпал. Сейчас опишу вам вход, авось подскажете. Там есть дверь. Хорошая, закрыта на замочек, он такой блестящий.

Охранник крякнул.

– Не расстраивайтесь. У баб вообще соображение хлипкое. Дайте-ка ключик.

Я протянула связку с брелоком, и он постучал пальцем по колечку.

– Вот, видите, здесь выдавлена цифра «двенадцать». И на бирке кто-то ее написал, но только со словом «шкафчик». Во люди! Шкафы ведь в зале, а не у нас.

– Не заметила отметки на кольце, – призналась я, – очень уж мелкая.

Ефим Николаевич кивнул.

– Согласен. Недоработка хозяйская. Но я тут последний человек, моя задача народ посторонний внутрь не пускать, здесь секретная территория. На рецепшен в фитнесе считают, что тут работает закрытый клуб для особых клиентов. Им приказано о нем молчать, никому ничего не рассказывать, а тем, кто с нашими ключами, помогать по всем направлениям. Вам на четвертый этаж, последняя квартира в доме. Хорошая, теплая. Значит, Семен Петрович снова женился? Ну и правильно, не горевать же ему вечно.

– Семен Петрович? – удивилась было я. И тут же пропищала: – Ах, ну да, Семен Петрович!

– Хороший вам муж достался, – заулыбался охранник. – По секрету скажу, лучший в доме. У других ссоры случаются, недопонимания, Семен же Петрович никогда голоса не повышает. А уж внимательный! Сегодня рано приехал, с букетом. Я постеснялся его спросить, для кого цветы, жена-то умерла месяца, наверное, два назад. Да вы ступайте, разболтался я, небось молодого супруга поскорей увидеть хотите. Лифт за колонной.

Ничего не понимая, я двинулась в указанном направлении.

– Лампа! – окликнул охранник.

Я обернулась.

– Да?

Ефим Николаевич встал и приосанился.

– Добро пожаловать в «Семейное счастье». Живите долго в любви и согласии.

Подъемник еле-еле дополз до четвертого этажа и со скрипом раздвинул двери. Я очутилась в круглом холле, из которого тремя лучами расходились коридоры. В начале каждого висела табличка с номером квартиры и указующей стрелкой. Я двинулась в крайнюю левую галерею, ощущая, как под ногами пружинит ковровая дорожка, достигла двери с номером «12», всунула ключ в замочную скважину и легко повернула его.

Глазам открылась просторная прихожая, за которой начинался коридор. Я сбросила туфли, прошла в глубь квартиры, услышала чье-то тихое пение, вошла в большую гостиную и замерла на пороге, зажмурившись от яркого солнечного света, бившего в окно, расположенное напротив полукруглой арки, в которой я стояла.

Песня оборвалась, раздался голос:

– Рая! Ты вернулась! О, господи…

Я быстро вышла из пятна солнечного света, увидела невысокого лысоватого мужчину в коричневом халате и произнесла:

– Простите, не хотела вас напугать. Вы Семен Петрович?

Хозяин квартиры схватился рукой за книжные полки.

– Да. Как вы сюда попали?

Я показала ключ.

– Открыла дверь.

– Кто вы? – попятился Семен Петрович. – Чего хотите? Почему вломились сюда без разрешения?

Я подняла руки.

– Пожалуйста, давайте побеседуем спокойно. Меня зовут Евлампия Романова, вот мое рабочее удостоверение. Разрешите, я присяду?

– Частное детективное агентство… – ахнул Семен. – Кто вас нанял? Светлана Евгеньевна?

Я без приглашения опустилась в кресло.

– Нет, Валентина Весенина.

– Дочь Раечки? – подпрыгнул собеседник. – Час от часу не легче! Что она хочет?

– Узнать правду о смерти матери, – ответила я. – Вале кажется кончина Раисы Измайловны странной.

– Валентина знала про нас? – ужаснулся Семен Петрович. – Невероятно! Раечка соблюдала крайнюю осторожность.

– Нет, Валентина, похоже, никогда не слышала про клуб «Семейное счастье», – успокоила я хозяина апартаментов. – Ключ я обнаружила в спортивной сумке Весениной, которую она оставила в своем кабинете на работе.

Мужик заметно расслабился.

– Слава богу! Но вы меня обескуражили. Почему Валя обратилась к сыщикам? Раечке не повезло, она скончалась от банальной кори.

Я оставила его вопрос без ответа и задала свой, совершенно бесцеремонный:

– Скажите, вы с Раисой были любовниками?

– Любовниками? – возмутился Семен Петрович. – Нет! Мы жили в счастливом браке.

– Простите, но у Раисы Измайловны официально зарегистрирован брак с Николаем Георгиевичем Весениным, – уточнила я.

– Это всего лишь бумажка, – отмахнулся собеседник. – Мы с Раечкой были единым целым. Счастливой семьей. Господи, а я еще вначале, когда Маргарита Львовна ее привела, взбрыкнул. Ну кого мне предлагают? Кузнечика в джинсах?

– Кто такая Маргарита Львовна? – немедленно поинтересовалась я.

Семен Петрович поджал губы и отвернулся к окну.

– Вы любили Раису? – спросила я.

– Очень, – грустно ответил он. – Сомневаюсь, что кто-либо сможет мне ее заменить.

– Значит, вам не безразлично, почему умерла Рая, – продолжала я. – Есть вероятность, что Весенину убила не корь, а другая болезнь, которую врачи не сумели правильно диагностировать. Возможно, Рая погибла из-за ошибки докторов.

– Валентина рассчитывает призвать к ответу нерадивого эскулапа? – нараспев произнес Семен Петрович. – Наивная. Но, даже если и удастся доказать, что Раю неправильно лечили, это ее не вернет. Не вижу ни малейшего смысла в действиях Вали.

Я сгустила краски.

– Старшая дочь подозревает, что мать отравили, а теперь опасность грозит Ларисе.

Хозяин квартиры вскинул брови.

– Никто не мог желать Рае зла, она была святым человеком. И кто способен навредить Ларисе, милому юному созданию? Лара вся в творчестве, она из дома бежит в училище, а потом назад. У девочки совершенно нет личной жизни, Раиса очень переживала по этому поводу.

– Вероятно, мать не располагала всеми сведениями о Ларе, – мягко возразила я, – а про саму Раису Измайловну хорошо знающие ее люди в один голос твердят: она была верной женой и прекрасной матерью. О вашем… э… браке никому не известно.

Семен Петрович поерзал в кресле.

– Да, Раиса являлась образцом супруги.

– И вдруг случайно выясняется, что Весенина вместо занятий фитнесом три раза в неделю общалась с другим мужчиной! – воскликнула я. – Вовсе не с Николаем Георгиевичем проводила свободное время.

– Правильно, потому что ее муж я, – кивнул собеседник.

– Вот только в паспорте у нее стоял штамп об оформлении брака с Колей, – терпеливо повторила я, понимая, что разговор закольцевался и сейчас плавно потечет по второму кругу.

Может, мне элементарно припугнуть Семена, который прикидывается этаким Ромео на пенсии? Сказать ему: или откровенно выкладываете правду об отношениях с Раисой, называете имена общих знакомых, или я иду прямиком к вашей законной половине. Едва увидев меня, Семен Петрович с тревогой спросил: «Кто вас нанял? Светлана Евгеньевна?» Думаю, он вспомнил о своей настоящей женушке. Конечно, нехорошо прибегать к шантажу, но, если другие методы не срабатывают, приходится действовать грубо.

Семен Петрович встал, подошел к окну и повернулся к нему лицом.

– Ладно, я постараюсь ввести вас в курс дела. Вы любите шпинат?

Я ожидала какого угодно вопроса, но этот застал меня врасплох.

– Шпинат? Зелень?

– Ну да, – не оборачиваясь, подтвердил хозяин квартиры. – Полезное растение, рекомендуется всеми диетологами мира, я ем его с огромным удовольствием. Раиса готовила шпинат с рыбой на пару – пальчики оближешь!

Перед моими глазами моментально развернулась картина. Столовая в родительской квартире. Воскресенье. Мы с папой сидим за накрытым кружевной скатертью столом. Мама торжественно вносит большое блюдо и, как церемониймейстер, объявляет:

– Сегодня у нас на воскресный обед особенное второе. Судак со шпинатом на пару. Андрей, давай тарелку.

Получив свои порции, мы с отцом начинаем ковырять вилками белые куски рыбы, старательно забывая про темно-зеленые листья. Мама хмурится, вздыхает, потом говорит:

– Фросенька![4 - Почему Ефросинья Романова превратилась в Евлампию Романову, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».] Шпинат крайне полезен, в особенности тебе. Увы, его трудно достать. Весь рынок обежала, пока у одной бабы нашла, а та не растерялась, заломила бешеную цену. Ешь, деточка, я приготовила гарнир к судаку по всем правилам, он у меня в марле, в дуршлаге над кастрюлей с кипящей водой висел.

Во времена моего детства об электрических пароварках в Москве не слышали, а продукты добывались либо с боем, либо путем разнообразных хитростей, подчас не совсем законных. Я очень любила свою маму, не хотела ее огорчать, поэтому молча захватывала часть травы вилкой и послушно начинала жевать безвкусную массу.

– Ну как? – интересовалась мамуля. – Вкусно?

– Будто кухонную тряпку ешь, – вырывается у меня, – ужасная гадость.

Папа хохочет…

Картинка растаяла. Я взглянула на Семена Петровича.

– Если честно, на мой взгляд, шпинат отвратителен.

Он отошел от окна и сел за стол.

– Вот видите. Людям трудно понять друг друга даже на бытовом уровне. Едва вы начинаете жить с другим человеком, как возникает множество мелких нестыковок. Вы, скажем, ненавидите шпинат, а ваш муж его обожает. Так готовить его или нет? Учесть свои вкусы или пристрастия супруга? Чтобы найти консенсус, кому-то из двоих необходимо пойти на уступки. Мальчиков воспитывают, постоянно им повторяя: «Девочки слабее, надо идти им навстречу». Но если человеку приходится регулярно прогибаться, он в конце

концов сломается. В качестве примера могу привести мою маму, Светлану Евгеньевну. Вроде я с ней с рождения, являюсь ее частью, в моих жилах течет половина ее крови. Следовательно, нам должно быть хорошо рядом друг с другом, мы имеем много общего. Как бы не так! Я открываю форточку, она закрывает. Для меня лучше всего вставать в десять утра, но мать вскакивает в шесть и принимается будить взрослого сына. Она любит курицу и терпеть не может мясо, мне же противно даже смотреть на птицу, я обожаю телятину… А вот с Раечкой было иначе.

Семен Петрович на секунду прикрыл глаза ладонями, потом отвел руки.

– Рая обожала дочерей, всегда исполняла любые их желания, говорила: «Девочек надо баловать. Выйдут замуж, наедятся горя полной ложкой». Валя поступила глупо, зря к вам обратилась. Ничем частный сыщик не поможет, мать ей не вернет. Но сиди Раечка сейчас здесь, она бы сказала: «Сеня, надо сделать так, чтобы Вале стало спокойнее, поэтому ответь на вопросы детектива». И я расскажу вам нашу историю. Думаю, Рая на небесах меня одобрит.

Глава 9

Семен Петрович Кутузов единственный и любимый сын Светланы Евгеньевны, одинокой женщины, ее гордость и опора. О том, как мать, обожающая своего ребенка, изо всех сил желая ему добра, портит сыну жизнь, написаны миллионы как художественных, так и научных книг. Думаю, вы сами догадались, что заботливая сверх меры Светлана Евгеньевна старательно отваживала от Сени всех девочек, мотивируя свое поведение стандартным образом:

– Милый, думай об учебе. У нас с тобой нет больших денег и влиятельных знакомых. Золотая медаль, полученная с аттестатом о среднем образовании, твой пропуск в Московский университет. Еще успеешь погулять.

Сын не подкачал. Он поступил на юридический факультет, стал адвокатом, защитил кандидатскую, потом докторскую диссертации, стал отлично зарабатывать. А потом вдруг остановился и спросил себя: «Дальше-то что? Карьера налажена, дача-квартира-машина куплены, мама в шубе и с бриллиантами. Может, пора обзавестись семьей?» Светлана Евгеньевна

сообразила, что пришло сыну время остепениться, и запела песню о внуках.

Обеспеченный, интеллигентный холостой мужчина желанный объект охоты для многих женщин. Следующие несколько лет Семен Петрович был постоянным гостем на ярмарках невест, у него случались краткосрочные романы, но всякий раз любовные отношения ничем не завершались, потому что потенциальные снохи категорически не нравились Светлане Евгеньевне, с которой преданный сын продолжал жить в одной квартире.

Надо отметить, что все претензии пожилой дамы были справедливыми, она безошибочно вычисляла охотниц за деньгами и тех, кто хотел при поддержке Сени сделать научную карьеру.

– Дорогой, тебе нужна простая девушка, москвичка в третьем поколении, – твердила Светлана Евгеньевна, выпроваживая вон очередную кандидатку на роль невестки. – Пожалуйста, никаких жадных провинциалок! А то оглянуться не успеешь, как она пропишется в нашей квартире и потом оттяпает жилье с большой частью имущества. Возраст у невесты должен быть за тридцать, ни в коем случае не моложе, пусть перебесится до замужества. Естественно, брак с тобой у нее будет первый, и лучше, если до тебя у нее не было интимных отношений с мужчинами. Никаких детей от других браков. И хорошо бы, чтобы девушка была сиротой. Но со своей квартирой, плюс материально обеспеченная. После свадьбы твоей супруге придется бросить работу и заняться исключительно мужем и рождением мне внуков. Поскольку ты ищешь не гетеру на час, а законную половину, то обрати внимание на состояние здоровья избранницы. Пусть она сдаст анализы, пройдет медицинское обследование. Нам не нужны в семье инвалиды.

Семен Петрович про себя посмеивался над матерью. Он-то понимал, что нарисованный Светланой Евгеньевной портрет не имеет ничего общего с действительностью. Может, конечно, где-то и живет умная, красивая, богатая девственница, потерявшая родителей и готовая ради семьи забыть о полученном высшем образовании, приковаться к плите и пеленкам, служить верой и правдой мужу со свекровью, но Кутузову такие дамы никогда на жизненном пути не встречались. И для самого Семена главным было совсем другое – он искал ту, с кем ему будет легко, комфортно, просто, не домашнюю хозяйку, не мать детям, а надежного, верного друга, готового находиться рядом с ним в минуты горя и радости. Увы, такие женщины так же редки, как сироты в бриллиантовых колье.

После нескольких лет активного поиска супруги Семен махнул рукой на брачные игры, подумал, что не всем суждено иметь счастливую семью, и записался в фитнес-клуб. Затем увлекся велосипедным спортом, начал ездить вместе с инструктором и другими клиентами клуба в путешествия и окончательно забыл о матримониальных планах. Для коротких отношений женщин ему хватало, а Светлана Евгеньевна к мимолетным подругам сына не придиралась, желчь из дамы фонтанировала, когда Сенечка общался с одной и той же красоткой более двух месяцев.

Как-то раз к Семену Петровичу, пыхтевшему в зале со штангой, подошла владелица фитнеса Маргарита Львовна, тоже страстная поклонница велосипедного спорта, и неожиданно сказала:

– Сеня, ты ведь, я знаю, не женат. Извини за нескромный вопрос, почему?

Кутузов пожал плечами.

– Причина банальна. Принц не нашел Золушку.

– Еще раз прости, – пропела Маргарита Львовна, – но мы с тобой вроде друзья, вместе на велосипедах по Европе катаемся, я с мужем бываю у вас со Светланой Евгеньевной в гостях… Одним словом, я понимаю, что твоя мать ревнует тебя к женщинам.

Семен улыбнулся.

– Есть немного. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Может, тебе попробовать снять квартиру, чтобы не приводить девушек в родительский дом? – предложила Маргарита. – Очень некомфортно заниматься любовью, зная, что мать за соседней стенкой. Вдруг она войдет в комнату к сыночку?

– Я собирался найти съемное жилье, но не подобрал подходящее, – живо откликнулся Семен. – Попадалось либо ужасное, либо чудесное, но слишком дорогое. И нет ощущения дома. Понимаешь?

– Конечно, – мягко улыбнулась приятельница. – Поэтому у меня есть для тебя предложение. В соседнем с фитнесом здании работает клуб «Семейное счастье». Членов там мало, за каждым закреплены просторные хоромы. В доме всего двенадцать квартир, и, если к нам захочет присоединиться тринадцатый человек, его не примут из-за отсутствия места. Но иногда, крайне редко, кто-то нас покидает, и как раз сейчас одни апартаменты освободились. Арендная плата будет тебе по карману. Только скажи – и весь интерьер переделают на любой лад по твоему вкусу. Убирают там горничные, они глухонемые, в подъезде сидит охранник, верный цепной пес, который впускает лишь тех, кто показывает особый ключ. Если в дом попытается ворваться посторонний, секьюрити нажмет на кнопку, и в секунду прилетят вооруженные парни. В качестве бонуса – подземная парковка.

– Почему ты называешь здание клубом «Семейное счастье»? – удивился Семен.

Маргарита взяла приятеля под руку.

– Дорогой, это самый интересный вопрос. Потому что я помогаю мужчинам найти достойную пару. Нельзя привести в наш клуб даму, которую выбрал сам. Женщины приходят только от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Историю Егора и Кисы, а также о том, как ребятишки оказались в семье Евлампии Романовой, вы можете прочитать в книге Дарьи Донцовой «Добрый

доктор Айбандит», издательство «Эксмо».

2

Франсуа Ларошфуко (1613–1680 гг.), герцог, французский писатель, известен своими афоризмами, к математике никакого отношения не имел. (Прим. автора.)

3

Кто такая Катя и как Лампа познакомилась с ней и со всеми членами ее семьи, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

4

Почему Ефросинья Романова превратилась в Евлампию Романову, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника», издательство «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/ognetushitel-prometeya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить